

и наконецъ вставимъ это значеніе $\cos. \psi$ въ уравненіе (4).

Если на нити въ точкѣ a повѣшено тѣло, на-
примѣръ термометръ, то погибаніе нити получить въ
точкѣ a быстрое измѣненіе; такъ что равновѣсіе ча-
сти S a и другой части a E должно разсматривать
особенно. Означимъ A уголъ съ осью x касательной
линіи, проходящей чрезъ первый элементъ кривой a
 S , B — напряженіе нити въ этомъ элементѣ, A' —
уголъ касательной, проходящей чрезъ первый эле-
ментъ кривой a E , B' — напряженіе въ этомъ элемен-
тѣ; означимъ также чрезъ ω вѣсъ тѣла, привязанна-
го въ точкѣ a , λ — длину нити a S , λ' — длину a E ,
 z' — высоту точки a , $z' + z''$ — высоту точки E . Если
въ предыдущихъ формулахъ поставимъ λ на мѣсто
 s , и вычислимъ величины ψ и z , то будетъ $A = \psi$,
 $z' = z$, притомъ:

$$B' = \sqrt{B^2 + \omega^2 + 2B\omega \sin. A},$$

и если t будетъ уголъ между двумя касательными
въ точкѣ a , то

$$\sin. t = \frac{\omega}{B'} \cos. A, \quad A' = A + t$$

Опредѣливъ величины B' и A' , можно разсмат-
ривать точку a за начало новой нити, такъ что,
считая координаты отъ точки a параллельно преж-
нимъ осямъ x , z , стоитъ въ уравненія равновѣсія

нити поставить B' , A' , λ' вмѣсто H , $\mathcal{E}$, s , чтобы получить z'' и прочія величины, относящіяся къ точкѣ E

Теорія равновѣсія змѣя содержитъ постоянныя величины, которыхъ точное опредѣленіе необходимо для полезнаго употребленія формулъ. Напряжение H въ точкѣ S и уголъ $\mathcal{E}$ касательной линіи въ этой точкѣ съ горизонтомъ, можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: если на нити SE въ точкѣ m , немного удаленной отъ S , подвѣсимъ легкую чашку и насыплемъ въ нее столько песку, чтобы линія Sm приняла горизонтальное направленіе, то вѣсъ Q , чашки вмѣстѣ съ пескомъ, уничтожатъ напряжение нити, разложенное по оси z : слѣдовательно будетъ

$$Q = H \sin. \mathcal{E}$$

Съ другой стороны, если укрѣпимъ въ точкѣ S центръ удобоподвижнаго блока и обогнемъ по окружности его нить Sm , натянутую вѣсомъ R , равнымъ напряженію нити, разложенному параллельно оси x , то будетъ:

$$R = H \cos. \mathcal{E}$$

Итакъ получимъ: $H = \sqrt{R^2 + Q^2},$

$$\text{Log. } \mathcal{E} = \frac{Q}{R}$$

Наконецъ, для опредѣленія постоянной γ , или пропорціональной съ нею величины β , возьмемъ уравненіе обратное съ (6), то есть:

$$B e^{\frac{1}{2}\beta z} - e^{-\frac{1}{2}\beta z} - \beta s \sqrt{B} = B - 1,$$

и предположимъ тотъ случай, когда въ разложеніи

показательныхъ функцій $e^{\frac{1}{2}\beta z}$, $e^{-\frac{1}{2}\beta z}$ достаточно остановиться на членахъ пропорціональныхъ второй степени отъ β , тогда получимъ:

$$(h) \quad \beta = \frac{8s \sqrt{B} - 4z(B+1)}{(B-1)z^2},$$

гдѣ B , s и z предполагаются данными изъ наблюденій.

Съ другой стороны, величину γ должно разсматривать пропорціональною квадрату скорости вѣтра, слѣдовательно полагать

$$(k) \quad \gamma = bu^2,$$

гдѣ постоянное b зависитъ отъ діаметра и свойства поверхности нити. Но изъ уравненій (g) и (c) опредѣляются H' и $\mathcal{E}'$, послѣ чего изъ уравненій (2) и (3) вычисляются ψ и W , наконецъ изъ уравненія (1) найдется величина u . Остается къ уравненіямъ

(k) и (h) присоединить отношеніе $\gamma = \frac{1}{2} \beta H$, для численнаго опредѣленія постоянной b . Замѣтимъ однакожь, что формулы (1), (2) и (3) не совсѣмъ достовѣрны, и потому должно желать, чтобы величина n опредѣлялась, по крайней мѣрѣ однажды, непосредственно по способу, принятому Физиками.

А. ПОПОВЪ.

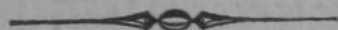
III.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ

УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

В Ѣ Д О М О С Т И

О ДУХОВНО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ, УЧА-
ЩИХЪ И УЧАЩИХСЯ ВЪ НИХЪ

ЗА 1844 ГОДЪ.

ВѢДОМОСТЬ

О ДУХОВНО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

за 1844 годъ.

Въ Епархіяхъ:	Учебныхъ заведеній.				
	Академіи.	Семинаріи.	Уѣздныхъ Училищъ.	Приходскихъ Училищъ.	Итого.
<i>С. Петербургскаго Округа.</i>					
С. Петербургской	1	1	2	2	6
Новгородской	—	1	7	7	15
Псковской	—	1	5	4	10
Тверской	—	1	9	9	19
Могилевской	—	1	4	4	9
Смоленской	—	1	4	4	9
Олонекской	—	1	3	4	8
Архангельской	—	1	1	2	4
Полоцкой	—	1	3	3	7
Литовской	—	1	5	4	10
	1	10	43	43	97
<i>Кіевскаго Округа.</i>					
Кіевской	1	1	5	6	13
Екатеринославской	—	1	3	3	7
Черниговской	—	1	2	2	5
Минской	—	1	3	4	8
Подольской	—	1	4	4	9
Курской	—	1	5	5	11
Воронежской	—	1	4	5	10
Донской	—	—	2	2	4
Орловской	—	1	4	4	9
Полтавской	—	1	4	4	9
Волынской	—	1	4	6	11
Варшавской	—	—	1	1	2
Харьковской	—	1	3	4	8
Кишиневской	—	1	1	1	3
Грузинскаго Экзархата	—	1	4	6	11
Херсонской	—	1	3	3	7
	1	14	52	60	127

	УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.				
	Академіи.	Семинаріи.	Уѣздныхъ Училищъ.	Приходскихъ Училищъ.	Итого.
<i>Московского Округа.</i>					
Московской.....	1	2	7	6	16
Ярославской.....	—	1	4	4	9
Рязанской.....	—	1	6	6	13
Калужской.....	—	1	3	3	7
Владимірской.....	—	1	5	5	11
Вологодской.....	—	1	6	7	14
Тульской.....	—	1	4	4	9
Костромской.....	—	1	5	5	11
	1	9	40	40	90
<i>Казанскаго Округа.</i>					
Казанской.....	1	1	3	3	8
Симбирской.....	—	1	3	3	7
Астраханской.....	—	1	1	1	3
Кавказской.....	—	—	2	3	5
Тобольской.....	—	1	2	2	5
Томской.....	—	—	1	1	2
Иркутской.....	—	1	4	4	9
Камчатской.....	—	—	—	2	2
Вятской.....	—	1	4	4	9
Тамбовской.....	—	1	4	4	9
Пензенской.....	—	1	3	3	7
Саратовской.....	—	1	4	4	9
Нижегородской.....	—	1	3	3	7
Пермской.....	—	1	4	6	11
Оренбургской.....	—	1	3	3	7
	1	12	41	46	100
Итого....	4	45	176	189	414

ВѢДОМОСТЬ
О НАЧАЛЬНИКАХЪ И НАСТАВНИКАХЪ ВЪ ДУХОВНО-
УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

ЗА 1844 ГОДЪ.

Въ Епархіяхъ:	Начальниковъ и Наставниковъ.				
	Въ Академіяхъ.	Въ Семинаріяхъ.	Въ Учебныхъ Училищахъ.	Въ Приходск. Училищахъ.	Итого.
<i>С. Петербургскаго Округа.</i>					
С. Петербургской	19	17	14	4	54
Новгородской	—	13	31	14	58
Псковской	—	12	26	7	45
Тверской	—	17	42	18	77
Могилевской	—	10	18	7	35
Смоленской	—	15	20	8	43
Олонецкой	—	8	14	9	31
Архангельской	—	8	5	4	17
Полоцкой	—	10	15	4	29
Литовской	—	15	20	3	38
	19	125	205	78	427
<i>Кіевскаго Округа.</i>					
Кіевской	21	15	27	13	76
Екатеринославской	—	7	14	5	26
Черниговской	—	12	9	4	25
Минской	—	7	11	6	24
Подольской	—	11	17	8	36
Курской	—	16	24	11	51
Воронежской	—	15	22	12	49
Донской	—	—	8	3	11
Орловской	—	17	17	8	42
Полтавской	—	14	17	8	39
Волынской	—	14	15	11	40
Варшавской	—	—	6	2	8
Харьковской	—	12	16	9	37
Кишиневской	—	8	4	2	14
Грузинскаго Экзархата	—	9	16	12	37
Херсонской	—	7	12	5	24
	21	164	235	119	539

	Начальниковъ и На- ставниковъ.				
	Въ Акаде- міяхъ.	Въ Семіна- ріяхъ.	Въ Уѣздныхъ Училищахъ.	Въ Приходск. Училищахъ.	И тогo.
<i>Московского Округа.</i>					
Московской	17	25	34	10	86
Ярославской	—	14	23	5	42
Рязанской	—	18	33	10	61
Калужской	—	15	19	5	39
Владимірской.	—	23	35	7	65
Вологодской	—	15	32	15	62
Тульской	—	14	19	9	42
Костромской	—	15	28	13	56
	17	139	223	74	453
<i>Казанскаго Округа.</i>					
Казанской	14	11	13	6	44
Симбирской.	—	11	14	6	31
Астраханской	—	10	5	2	17
Кавказской	—	—	7	6	13
Тобольской.	—	7	10	2	19
Томской	—	—	4	2	6
Иркутской	—	9	19	5	33
Камчатской.	—	—	—	4	4
Вятской	—	12	23	10	45
Тамбовской.	—	15	22	10	47
Пензенской.	—	9	16	5	30
Саратовской	—	11	16	6	33
Нижегородской.	—	15	15	3	33
Пермской.	—	12	21	12	45
Оренбургской	—	8	12	3	23
	14	130	197	82	423
И того...	71	558	860	353	1842

Въ Епархіяхъ:	Въ Академіяхъ.	Въ Семинаріяхъ.		
		Пользующихся пособіемъ.	Свокоштныхъ.	Итого.
С. Петербургскаго Округа.				
С. Петербургской	115	136	101	237
Новгородской	—	256	157	413
Псковской	—	136	126	262
Тверской	—	257	484	741
Могилевской	—	165	51	216
Смоленской	—	165	270	435
Олонецкой.	—	134	19	153
Архангельской	—	82	20	102
Полоцкой	—	114	11	125
Литовской	—	104	83	187
	115	1,549	1,322	2,871
Кіевскаго Округа.				
Кіевской.	120	187	267	454
Екатеринославской	—	76	110	186
Черниговской	—	149	207	356
Минской.	—	134	30	164
Подольской	—	135	160	295
Курской	—	149	337	486
Воронежской	—	160	380	540
Донской	—	—	—	—
Орловской.	—	145	404	549
Полтавской	—	97	227	324
Волынской.	—	213	176	389
Варшавской	—	—	—	—
Харьковской.	—	137	169	306
Кишиневской	—	64	83	147
Грузинскаго Экзархата	—	45	74	119
Херсонской	—	89	56	145
	120	1,780	2,680	4,460

МОСТЪ

УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

ГОДЪ.

Въ Уѣздныхъ Училищахъ.			Въ Приходскихъ Училищахъ.			В с е г о.		
Пользующих- ся пособіемъ.	Своекошт- ныхъ.	И тогo.	Пользующих- ся пособіемъ.	Своекошт- ныхъ.	И тогo.	Пользующих- ся пособіемъ.	Своекошт- ныхъ.	И тогo.
205	156	361	99	123	222	555	380	935
358	425	783	109	478	587	723	1,060	1,783
196	287	483	53	194	247	385	607	992
398	741	1,139	146	917	1,063	801	2,142	2,943
158	144	302	108	156	264	431	351	782
154	432	586	95	509	604	414	1,211	1,625
108	69	177	33	164	197	275	252	527
76	66	142	37	94	131	195	180	375
129	70	199	98	58	156	341	139	480
92	127	219	35	97	132	231	307	538
1,874	2,517	4,391	813	2,790	3,603	4,351	6,629	10,980
257	423	680	261	364	625	825	1,054	1,879
106	213	319	63	238	301	245	561	806
127	307	434	65	243	308	341	757	1,098
90	93	183	166	108	274	390	231	621
120	320	440	152	355	507	407	835	1,242
222	742	964	71	620	691	442	1,699	2,141
179	420	599	102	631	733	441	1,431	1,872
30	152	182	8	183	191	38	335	373
277	798	1,075	84	816	900	506	2,018	2,524
140	365	505	59	216	275	296	808	1,104
170	347	517	91	436	527	474	959	1,433
11	7	18	12	10	22	23	17	40
147	358	505	85	241	326	369	768	1,137
32	89	121	72	196	268	168	368	536
57	216	273	19	266	285	121	556	677
106	122	228	80	182	262	275	360	635
2,071	4,972	7,043	1,390	5,105	6,495	5,361	12,757	18,118

	Въ Академіяхъ.	Въ Семинаріяхъ.		
		Пользующих- ся пособіемъ.	Свокошт- ныхъ.	И то го.
Московскаго Округа.				
Московской	111	307	557	864
Ярославской	—	231	362	593
Рязанской	—	203	355	558
Калужской	—	192	453	645
Владимірской	—	525	506	1,031
Вологодской	—	201	322	523
Тульской	—	215	544	759
Костромской	—	325	441	766
	111	2,199	3,540	5,739
Казанскаго Округа.				
Казанской	64	127	153	280
Симбирской	—	143	170	313
Астраханской	—	70	55	125
Кавказской	—	—	—	—
Тобольской	—	98	96	194
Томской	—	—	—	—
Иркутской	—	113	46	159
Камчатской	—	—	—	—
Вятской	—	237	184	421
Тамбовской	—	165	491	656
Пензенской	—	177	216	393
Саратовской	—	158	373	531
Нижегородской	—	121	303	424
Пермской	—	156	234	390
Оренбургской	—	96	125	221
	64	1,661	2,446	4,107
И то го. . .	410	7,189	9,988	17,177

Въ Уѣздныхъ Училищахъ.			Въ Приходскихъ Училищахъ.			В с е г о.,		
Пользующих- ся пособіемъ.	Своекошт- ныхъ.	И тогo.	Пользующих- ся пособіемъ.	Своекошт- ныхъ.	И тогo.	Пользующих- ся пособіемъ.	Своекошт- ныхъ.	И тогo.
371	789	1,160	69	609	678	858	1,955	2,813
247	676	923	30	402	432	508	1,440	1,948
219	819	1,038	31	586	617	453	1,760	2,213
221	598	819	15	441	456	428	1,492	1,920
399	725	1,124	103	411	514	1,027	1,642	2,669
152	616	768	33	548	581	386	1,486	1,872
194	899	1,093	28	500	528	437	1,943	2,380
356	723	1,079	49	505	554	730	1,669	2,399
2,159	5,845	8,004	358	4,002	4,360	4,827	13,387	18,214
114	285	399	36	272	308	336	715	1,051
138	392	530	34	375	409	315	937	1,252
43	38	81	14	44	58	127	137	264
12	122	134	3	160	163	15	282	297
100	127	227	40	110	150	238	333	571
40	53	93	6	61	67	46	114	160
95	111	206	36	90	126	244	247	491
—	—	—	34	14	48	34	14	48
180	449	629	50	385	435	467	1,018	1,485
150	642	792	71	590	661	386	1,723	2,109
182	380	562	48	317	365	407	913	1,320
167	443	610	44	713	757	369	1,529	1,898
75	442	517	38	338	376	234	1,083	1,317
166	425	591	32	272	304	354	931	1,285
101	207	308	36	246	282	233	578	811
1,563	4,116	5,679	522	3,987	4,509	3,805	10,554	14,359
7,667	17,450	25,117	3,083	15,884	18,967	18,344	43,327	61,671

10 ОТД. III. — ВЪДОМ. О ДУХ.-УЧЕБН. ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

Во всѣхъ четырехъ Учебныхъ Округахъ, съ не-
причисленными къ Округамъ заведеніями, находится 4
Академіи, 45 Семинарій, 176 Уѣздныхъ и 189 Приход-
скихъ Училищъ, а всего 414 учебныхъ заведеній.

Въ нихъ Преподавателей: въ Академіяхъ 71, въ
Семинаріяхъ и низшихъ Училищахъ 1,771, и того 1,842.

Общее же число учащихся составляло: въ Акаде-
міяхъ 410, въ Семинаріяхъ же, Уѣздныхъ и Приход-
скихъ Училищахъ 61,261, а всѣхъ вмѣстѣ 61,671.

БОЛОНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

(Окончаніе.)

ГЛАВА IV.

Болонское Училище, какъ высшее учебное заведеніе.

Во второй главѣ мы видѣли, что нѣтъ подлинныхъ историческихъ указаній, когда именно и кѣмъ учреждено въ Боловн высшее учебное заведеніе, *studium generale*, и въ какое время образовались при немъ общины учащихся, *universitates scholarium*. Постараемся теперь, по крайней мѣрѣ приблизительно, опредѣлить, когда, кѣмъ и по какимъ причинамъ положено здѣсь первое основаніе Юридическому Училищу.

Нѣтъ сомнѣнія, что это событіе не можетъ быть отвесено ко временамъ Θεодосіевъ (Гл. II), а тѣмъ менѣе къ царствованію Іустиніана I: потому что этотъ Императоръ, указомъ 533 года *ad antecessores (const. omnes)*, учредивъ Училища Правовѣдѣнія въ Константинополь, Римъ и Беритъ (*tam in regiis urbibus, quam in Berytiensium pulcherrima civitate*), запретилъ преподавать его во всѣхъ провинціальныхъ школахъ (*extra urbes regias et Berytiensium metropolim*). Эти провинціальныя

школы, въ замѣчательнѣйшихъ городахъ Италіи (1), Франціи (2) и даже Англіи (3), при монастыряхъ и соборныхъ церквахъ, пережили существованіе Римской Имперіи на Западѣ. Но извѣстность ихъ, долгое время,

- (1) О Лафранкѣ, уроженцѣ Павіи, умершемъ въ 1089 году, говоритъ преданіе: «Ab annis puerilibus eruditus est in scholis liberalium artium et legum saecularium ad suae morem patriae». Milonis Crispini vita Lanfranci Cap. 5 (Lanfranci opp. Paris, 1648, f. p. 6). Wipo in paneg. ad Henrici III (Canisii lect. aut. T. 4, p. 164).

«Tunc fac edictum per terram Teutonicorum
Quilibet ut dives sibi nates instruat omnes
Litterulis, legumque suam persuadeat illis,
.....
Moribus his dudum vivebat Roma decenter,
Hoc servant Itali post prima crepundia cuncti».

- (2) О Бенитѣ, уроженцѣ Овернскомъ, жившемъ въ VII столѣтіи, пишетъ современный біографъ слѣдующее: «Grammaticorum imbutus initiis, nec non Theodosii edoctus decretis ceteros coetaneos excellens, a Sophistis probus praelatus est». Cap. 1, № 3, in actis Sanctorum Januarii T. 1. Antverp. 1643, f. p. 1070. — Въ жизнеописаніи Папы Льва IX (ум. 1054 г.), слѣдующимъ образомъ описано состояніе Училища въ Тулузѣ: «Nempe ut primum competit rudibus, decurso artium trivio, non solum claruerunt prosa et metro, verum et forenses controversias acuto et vivaci oculo mentis deprehensas expediebant seu removebant sedulo! Denique quadrivium naturali ingenio vestigantes degustarunt, atque non minimum in ipso quoque valuerunt.

- (3) Алкуинъ (ум. 804 г.), описывая Іоркскую школу, говоритъ:

«His dans Grammaticae rationis gnaviter artes
Illis Rhetoricae infundens refluamina linguae,
Illos juridico curavit cote poliri».

Alcuini poema de Pontificibus et Sanctis ecclesia Eboracensis opp. T. 2, vol. 1, p. 256, ed. Froben. Ratisb. 1777, f.

Въ XII столѣтіи Thomas Cantuariensis (Epistolae, ed. Lupus Bruxellis 1682, 4 Lib. 3, ep. 91, p. 617, говоритъ: «Super his omnibus, quae dilectioni vestrae scribere studui, cum in scholis vestris» et cet.

простирались не далеко за предѣлы городовъ, въ которыхъ онѣ процвѣтали, и число учениковъ повсюду въ нихъ не могло быть значительно. Послѣдніе были по большей части люди, готовившіе себя къ Духовному сану, изъ которыхъ не многіе, оставшіеся въ свѣтскомъ званіи, поступали въ сословіе Юристовъ, игравшихъ въ присутственныхъ мѣстахъ того времени роль судей, адвокатовъ, стряпчихъ, секретарей, подъ именемъ: *judices, legisdoctores, legislatores (scabini, Schöffen), causi-dici, notarii* — единственное свѣтское сословіе, отъ членовъ котораго требовалось знаніе грамоты и законовъ. Но законознаніе приобрѣтали они болѣе посредствомъ судебной практики, нежели посредствомъ школьнаго изученія.

Въ школахъ преподавались только Словесныя Науки и нѣкоторыя Искусства, составлявшія курсъ *trivii* и *quadrivii*, современными Писателями упоминаемые обыкновенно подъ общимъ названіемъ *artes*: отсюда производное *artistae* означало въ послѣдствіи учителей и учениковъ этихъ школъ. Читались въ нихъ и законодательныя книги, но не всѣ, кои пользовались законною силою въ Средніе вѣка, а только нѣкоторыя древняго Римскаго Права, и не съ практическою цѣлію, а какъ образцы древней Словесности вмѣстѣ съ Діалектикою (1).

На Западѣ Правовѣдѣніе отдѣльною Наукою преподавалось только въ Римѣ съ самыхъ древнихъ временъ Имперіи, и Профессоры Права, наравнѣ съ Профессорами Словесныхъ Наукъ (*grammatici et oratores*) и Естественныхъ (*medici*), пользовались жалованьемъ отъ казны и другими преимуществами (2), кои, по словамъ Кассіодора,

(1) Ср. стр. 68, примѣчаніе 2. Sawigny *Gesch. des Röm. Kunsts im Mittelalter*, 1 B. § 133.

(2) *Justiniani Sanctia pragmatica* (a 554) c. 22, *annonas, quae grammaticis ac oratoribus vel etiam medicis vel juris peritis ante dari solitum erat et in posterum suam professionem scilicet*

сохранены были для нихъ и во времена Остготскаго владычества (1). Въ послѣдствіи однакожь, когда всякія политическія сношенія Восточной Имперіи съ Римомъ прекратились, Римское Право, по видимому, перестало составлять особый учебный предметъ въ тамошнемъ Училищѣ, что доказываетъ уже самое молчаніе, какое хранятъ о томъ Писатели Среднихъ вѣковъ. Въ замѣнъ этого, специальное ученіе Римскаго Права водворилось въ Равеннѣ, можетъ быть, въ одно время съ образованіемъ Экзархата. О существованіи здѣсь Школы Правовѣдѣнія въ XI столѣтіи свидѣтельствуетъ Блаженный Даміанъ (ум. 1066 г.), въ сочиненіи: *De parentalae gradibus* (2). Но вскорѣ потомъ Наука Права прекратилась въ Равенскомъ Училищѣ и только осталось преданіе, замѣченное Одофредомъ, будто изъ Равенны она переселилась въ Болонію (3). Въ Болоніи, такъ же какъ и въ другихъ замѣчательнѣйшихъ городахъ Западной Европы, существовало съ давняго времени Училище Словесныхъ Наукъ и Искусствъ (*artes*), входившихъ въ составъ *trivii* и *quadrivii*, въ которомъ такъ же, какъ и всюду, читалось Римское Право только въ видѣ образцовъ Римской Литературы.

exercentibus erogari praecipimus, quatenus juvenes liberalibus studiis eruditi per nostram rempublicam floreant ».

(1) Cassiodori Var. IX, 21 : «..... ut successor scholae liberalium litterarum, tam grammaticus, quam orator nec non et juris expositor, commoda sui decessoris ab iis, quorum interest, sine aliqua imminutione percipiat ».

(2) S. Petri Damiani opp. Bassani 1783, 4, T. 3, p. 192 : « Vos autem..... errorem..... deponite..... ut qui inter clientium turbas tenetis in gymnasio ferulam, non vereamini subire in ecclesia disciplinam », говоритъ Св. Даміанъ къ Равенскимъ Профессорамъ Права, по случаю спора о степеняхъ родства.

(3) Odofredus in auth. qui res. l. de SS. eccl.: « Et debetis scire vos domini sicut nos fuimus instructi a nostris majoribus, quod..... et studium fuit Ravennae et ea collapsa fuit studium Bononiae ».

Но въ половинѣ XI столѣтія начали волновать религіозный и политическій міръ въ Европѣ два великіе вопроса: о первенствѣ власти Духовной надъ свѣтскою и о предѣлахъ власти Императора надъ городами Италіанскими. Для рѣшенія этихъ вопросовъ сила оружія оказалась недостаточною: нужно было прибѣгнуть къ силѣ законовъ, и отыскиваніе такихъ законовъ, которые опредѣляли бы границы той и другой власти, привело въ движеніе умственную дѣятельность, дотолѣ коснѣвшую въ летаргическомъ усыпленіи.

Лжеисидоры *decretalia*, послужившія опорой гордымъ притязаніямъ Римскихъ Первосвященниковъ, встрѣтили между Германскими Епископами нѣсколько ученыхъ и вмѣстѣ благочестивыхъ мужей, которые, съ благоговѣніемъ признавая въ Папахъ преемниковъ Св. Петра Апостола, не колебались въ подлинныхъ источникахъ Каноническаго Права отыскивать орудія для защиты свѣтской власти.

Съ другой стороны, послѣ разрушенія Лонгобардскаго Царства, въ главнѣйшихъ городахъ Сѣверной Италіи, покровительствуемыхъ новымъ Правительствомъ, или по крайней мѣрѣ менѣе притѣсняемыхъ, вскорѣ развилась торговая дѣятельность, которая ихъ обогатила и привела въ цвѣтущее состояніе.

Жители этихъ городовъ, прежде самаго разнороднаго происхожденія (Остготы, Лонгобарды, Франки и коренные Римляне), съ помощію продолжительныхъ семейныхъ связей и всякаго рода житейскихъ отношеній, мало по малу сплывались въ одно цѣлое и образовали новую націю, не похожую правда ни на одну изъ составныхъ частей, въ которой однакожь, отъ преобладавшаго въ ней Римскаго населенія, проявилось болѣе Римскихъ, нежели Германскихъ элементовъ. Не говоря уже о языкѣ и религіи, внутреннее управленіе городовъ сохранило во многомъ древнія муниципальныя формы. Тамъ управ-

ляетъ *Senatus populusque: consules, judices* и другіе чиновники Римскаго наименованія; судятъ и рядятъ частію по Лонгобардскимъ, но болѣе по Римскимъ законамъ, руководствуясь то Кодексомъ Іустиніана, то Новеллами, а предпочтительно Кодексомъ Алариха Вестготскаго (*Codex, Breviarum Alarici*).

Когда исчезло племенное различіе между жителями Италіянскихъ городовъ, исчезли въ нихъ и племенные законы, водворившіеся со временъ Лонгобардскаго владычества и еще болѣе усилившіеся при завоеваніи Италіи Карловингами, когда не только каждое семейство повиновалось исключительно законамъ своего племени, но въ одномъ и томъ же семействѣ, отдѣльные члены его, напр. мужъ и жена, если они были разноплеменны, судились по законамъ племени, которому по роду своему принадлежали (*vivebant secundum legem nationis suae*).

Во времена смутъ и раздоровъ между наслѣдниками Карла Великаго, сдѣлавшихся виною распаденія основанной имъ могущественной Имперіи и конечнаго истребленія Карловингской династіи, менѣе всѣхъ пострадали Италіянскіе города: ибо главнымъ театромъ дѣйствія наслѣдственной борьбы была Франція и Германія. Италія коснулась она только эпизодами, хотя столь же кровавыми, по крайней мѣрѣ не столь разрушительными. Но она и тутъ, какъ вездѣ, расторгла всѣ пружины Государственнаго благоустройства, воцарила безначаліе, самоуправство, грабежи и разбой. Слабое Правительство не могло охранять безопасность мирныхъ жителей. Надобно было каждому искать защиты въ собственныхъ силахъ. Это стремленіе къ огражденію себя отъ насилія, положившее начало множеству городовъ Западной Европы, раньше развилось и окрѣпло въ городахъ Сѣверной Италіи, какъ въ городахъ старинныхъ, хорошо населенныхъ и сохранившихъ многіе элементы муниципальнаго устрой-

ства. Вотъ почему уже въ X столѣтіи мы встрѣчаемъ напр. въ Миланѣ, Венеціи, Падуѣ, Болоніи, Генуѣ, Пизѣ и въ другихъ Италіянскихъ городахъ, при замѣтномъ благосостояніи, правильную администрацію и притязаніе на независимость внутренняго управленія. Правда, они признають надъ собою верховную власть Императора: но твердо отстаиваютъ неприкосновенность городскихъ привилегій (*immunitates*) по началамъ Римскихъ законовъ. Это притязаніе городовъ дѣлается предметомъ упорной, нерѣдко ожесточенной, кровавой борьбы между ими и Императорами первыхъ двухъ Германскихъ династій. Превосходство физической силы еще не обезпечиваетъ правъ побѣдителя: онъ самъ ищетъ опоры имъ въ Законодательствѣ Римскомъ, именуя себя преемникомъ и престола и правъ Римскихъ Императоровъ, вопрошаетъ современныхъ Юристовъ, какая сила и объемъ свойственны этимъ Императорскимъ правамъ. Для рѣшенія такихъ вопросовъ, столь чувствительно трогавшихъ важнѣйшіе интересы современнаго общества, уже недостаточно было прежняго практическаго законознанія, не могшаго простирать своихъ притязаній далѣе судебного разбирательства тяжбъ между частными гражданами: открылась потребность основательнаго систематическаго изученія всѣхъ источниковъ Римскаго Законовѣдѣнія, подобная той, которая, во время борьбы власти Духовной съ свѣтскою, заставила изучать подлинныя источники Каноническаго Права. И вотъ, съ исходомъ XI столѣтія, Болонія является представительницею ученой, юридической дѣятельности.

Мы сказали выше, что въ Боловскомъ Училищѣ Словесныхъ Наукъ издревле читались нѣкоторыя книги Римскаго Права, но только какъ образцы древней Литературы. Нѣкто Пепо, около 1075 года, первый пытался основать въ Болоніи каѳедру Римскаго Права, какъ отдѣльной Науки; но у него не было ни профессорскаго,

ни авторскаго таланта, а потому попытка его не удалась (1). Впрочемъ, эта попытка имѣла благотворное послѣдствіе: ибо, не много спустя послѣ Пепо, явился въ Болоніи необыкновенный мужъ, неутомимый изслѣдователь и достойный преподаватель Римскаго Права въ лицѣ знаменитаго Ирнерія. Въ началѣ своего учебнаго поприща, Ирнерій былъ учителемъ Словесныхъ Наукъ въ Болонскомъ Училищѣ. Но, по врожденной ли склонности, или увлекаемый современнымъ требованіемъ страны, онъ съ жаромъ предался изученію Римскаго Права и вскорѣ блистательными успѣхами, отразившимися въ его юридическихъ сочиненіяхъ (2), обратилъ на себя вниманіе всей Италіи и предпочтительно Графини Матильды. Эта богатѣйшая владѣтельница въ Италіи и образованнѣйшая изъ современныхъ женщинъ, столь много содѣйствовавшая исполненію плановъ Григорія VII, не менѣе живое участіе принимала и въ основаніи

(1) Odofredus in L. Jus. civile 6 Dig. de just. et jure: «Quidam Dominus Pepo caepit auctoritate sua legere in legibus, tamen quidquid fuerit de scientia sua, nullius nominis fuit». Tantuzzi scrittori Bolognesi. T. 6, p. 368.

(2) Roberti de Monte accessiones ad Ligeberti Gemblacensis chronicon. Giberti de Noviganto opera, ed. Paris. 1651. f. p. 721—722. «Lanfrancus Papiensis et Garnerius socius ejus, repertis apud Bononiam legibus Romanis, quas Justinianus Imp. Romanus ab incarn. Dom. DXXX abbreviatas emandaverat, his inquam repertis operam dederant eas legere et aliis exponere. Sed Guarnerius in hoc perseveravit». — Odofredus (Codex in auth. qui res. C. de SS. eccl. 12): «Et debetis hoc scire vos, domini, sicut nos fuimus instructi a nostris majoribus, quod dominus Irn. fuit primus, qui fuit ausus dirigere cor suum ad legem istam. Nam dominus Irn. erat magister in artibus: et studium fuit Ravennae et collapsa ea fuit studium Bononiae. Et dominus Irn. studuit per se sicut potuit, postea caepit docere in jure civili et ipse fecit primum formularium i. e. librum omnium instrumentorum et scripsit instrumentum emphytheuticum».

Ирнеріемъ каѳедры Правовѣдѣнія въ Болоніи (1). Она-то, безъ сомнѣнія, своимъ вліяніемъ и щедростью, помогла ему отыскать и пріобрѣсть въ Римскомъ или Равенскомъ Архивѣ давно забытыя Пандекты и Институціи (*Pandecta seu Digesta, Justitutiones Justiniani*) (2), — сочиненія столь важныя для систематическаго изученія Римскаго Права и его Философіи.

(1) Abb. Urspergensis chronicon, p. 278, ed. Basil. ap. Pet. Pernam. 1569 (между 1125—1138 годами): «.... Eisdem quoque temporibus dominus Irnerius libros legum, qui dudum neglecti fuerant, nec quisquam in eis studierat, ad petitionem Mathildae Comitissae et secundum quod olim a divinae recordationis imperatore Justiniano compilati fuerant, paucis forte verbis alicubi interpositis, eos distinavit, in quibus continentur instituta praefati imperatoris quasi principium et introductio juris civilis. Edicta quoque praetorum et aedilium curulium, quae rationem praestat juris civilis, hoc in libro Pandectorum, videlicet in Digestis continentur. Additur quoque hic liber Codicis, in quo Imperatorum statuta describuntur. Quartus quoque liber est authenticorum, quem praefatus Justinianus ad suppletionem et correctionem legum imperialium superaddidit ».

(2) Odofredus in Dig. vetus, Le. jus civile, 6, de Just. et jure..... «Dominus Irn. qui fuit apud nos lucerna juris, i. e. primus qui docuit in civitate ista. Nam primo caepit studium esse in civitate ista in artibus, et cum studium esset destructum Romae, libri legales fuerunt deportati ad civitatem Ravennae et de Ravenna ad civitatem istam. Quidam Pepo caepit autoritate sua legere in legibus, tamen quidquid fuerit de scientia sua, nullius nominis fuit. Sed dominus Ir. dum doceret in artibus in ista civitate, cum fuerunt deportati libri legales, caepit per se studere in libris nostris, et ipse fuit maximi nominis et fuit primus illuminator scientiae nostrae, et quia primus fuit, qui fecit glossas in libris nostris, vocamus eum lucernam juris ». — Odofredus in Infortiatum L. 82, ad L. Falcidiam, verb. *Tres partes.....* «Majores nostri ita referunt. Debetis scire, studium fuit primo Romae, postea propter bella, quae fuerunt in Marchia, destructum est studium, tunc in Italia secundum legem obtinebat Pentapolis, quae dicta Ravenna postea.... postmodum fuit translatum studium in civitatem istam. Cum libri fuerunt

Вскорѣ Ирнерій, какъ Профессоръ Права, какъ юридическій Писатель и какъ опытный Правовѣдъ, стяжалъ громкую славу въ Италіи и Германіи. Съ 1113 года имя его часто встрѣчаемъ въ актахъ присутственныхъ мѣстъ, куда его приглашали, вѣроятно, для совѣта и руководства (1). Въ 1116 году Ирнерій поступилъ на службу ко Двору Императора Генриха V, который употреблялъ его не только по судебнымъ, но и по дипломатическимъ дѣламъ (2). Смерть Ирнерія, котораго ученики и преемники прозвали свѣтильникомъ Науки Права (*lucerna juris*), относится къ первымъ годамъ царствованія Императора Лотарія II, около 1125—1130 года.

Неизвѣстно, кто былъ непосредственнымъ преемникомъ Ирнеріевой кафедры Правовѣдѣнія въ Болоніи: въ судебныхъ актахъ между 1128 и 1146 годами встрѣчается имя нѣкоего Вольфреда съ наименованіемъ *magister juris et legis doctor* (3). Первое всегда, второе по крайней мѣрѣ уже въ это время означало Профессора Права. Оттонъ Морена, именуя между учениками Ирнерія четырехъ (которые въ послѣдствіи прославились столько же на профессорской кафедрѣ, сколько и на дипломатическомъ поприщѣ): Мартина Goxia, Булгара, Іакова и Угова de porta Ravennana, даетъ ему преемникомъ Іакова (4). Не-

portati, fuerunt portati hi libri: Codex, Dig. vetus et Institutiones, postea fuit inventum Infortiatum sine tribus partibus, ultimo liber authenticorum inventus est ».

(1) Въ семи актахъ, приводимыхъ у Савиньи (*Gesch. des R. R. im Mittel.* 4 B. стр. 11—12), Ирнерій названъ одинъ разъ *Causidicus* и шесть разъ *Judex*.

(2) Savigny, тамъ же, стр. 19.

(3) Sarti P. 1, p. 28, 29, 48.

(4) Ad. a. 1158..... ed. Osii (Ven. 1639), ap. Murator. T. 6, p. 1015 sq. et in Graevii thes. Ital. T. 3, p. 971: « Interea namque Imperator..... Bononiae magistros interesse fuit: istorum autem quatuor doctorum et quam plurimorum aliorum fuit magister Dominus Guarnerius doctor antiquus, ad quem cum in extremis

сомнѣнно то, что Ирнерій положилъ столь прочное основаніе Боловскому Училищу Правовѣдѣнія, что оно уже въ половинѣ XII столѣтія достигаетъ блистательнаго значенія. Многочисленные ученики стремятся въ Болонію изъ всѣхъ странъ Христіанской Европы. Въ числѣ многихъ Профессоровъ, являются четыре вышепомянутыхъ Корифея: Martinus Goxia, Bulgarus, Iacobus и Ugo de porta Ravegnana, ученики Ирнерія, прозванные современниками *columnae, lilia legum* (1), славные и ученою дѣятельностью и вліяніемъ на государственныя дѣла Италіи, тѣ самые, которые на Ронкалійскомъ Сеймѣ явились могущественнѣйшими поборниками Императорской власти (2), и въ благодарность которымъ Импера-

laboraret, accesserant sui scolares dicentes: Domine, quem vultis post mortem vestram Doctorem nobis constituere, quibus ipse respondit per haec duo carmina:

*Bulgarus es areum (sic), Martinus copia legum,
Mens legum est — Ugo, Iacobus id, quod ego.*

Et sic dictus Iacobus fuit doctor».

(1) Otto Morena l. c. ad. a. 1162, p. 1113: «Pollebat equidem tunc Bononia in liberalibus studiis prae ceteris Italiae civitatibus, quatuor legum columnis inter ceteros tum radiantibus, scilicet — Martino Goxia et Bulgaro ac Jacobo atque Ugone de Porta Ravegnana». — Предисловіе къ собранію диссертаций, преимущественно Булгара и Мартина. Mr. Paris 1534. «Quoniam quatuor esse legum dicuntur lilia, varios bonosque odores referentia».

(2) Otto Morena l. c. ad. a. 1158: «Interea namque Imp. colloquium in Ronchalia in s. Martino proximo veniente maximum se habiturum constituit omnibusque fere Italiae principibus consulibusque etiam civitatum in ipso colloquio inesse praecepit, ad quod quatuor etiam principales Legis doctores, videlicet Bulgarum et Martinum Goxiam, seu Jacobum atque Ugonem de Porta Ravegnana, Bononiae Magistros interesse fecit omnesque ipsi convenerunt colloquio Nono Calendas Decembris, ultra Padum prope ecclesiam S. Petri de contrebis in 1158 anno, de indutione septima. Imperator igitur universique prin-

торъ Фридрихъ I издалъ знаменитую грамоту въ пользу учебнаго сословія.

Въ Болонскомъ Училищѣ, разсматриваемомъ какъ высшее учебное заведеніе, стоитъ обратить особенное вниманіе: 1) на Профессоровъ, именовавшихся обыкновенно *magistri doctores* съ прибавкою *domini*; 2) на порядокъ производства въ докторское достоинство; 3) на предметъ учебной дѣятельности Профессоровъ и порядокъ преподаванія и наконецъ, 4) на способы содержанія Профессоровъ.

1. Докторы или Профессоры.

Слово *doctor* не всегда имѣло одинаковое значеніе. Императоръ Іуліанъ (L. 7 c. de professoribus) Профессоровъ именуетъ вообще *magistri studiorum doctoresque*; Учителей Церкви Латинское Христіанство называетъ предпочтительно *Doctores Ecclesiae*. Но въ судебныхъ актахъ, относящихся къ началу Среднихъ вѣковъ, *legis, legum doctores, legislatores*, означаетъ не что иное, какъ судей *judices* или *Scabini, Schöffen*. Слово *magister* выражаетъ собственно преподавателей Наукъ въ тогдашнихъ училищахъ. Ирнерій въ судебныхъ актахъ, въ

cipes, ac civitatum consules ibi in simul se convenientes, imprimis convocavit Imperator omnes jam dictos Bononiae Magistros, jussitque eis, quod ipsi judicarent et in veritate omnia regalia jura, quaecumque imperii jure in Longobardia ad ipsum spectarent ac sua esse deberent. Ipsi Imperatori respondentes dixerunt, se nolle hoc facere sine consilio aliorum judicum universorum Longobardiae civitatum ibi astantium. Imperator igitur duos uniuscujusque Longobardiae civitatum judices elegit, jussitque eis quod ipsi omnes cum praedictis Bononiae magistro ad consilium ambularent, omniaque regalia, jure quocumque essent diligenter vestigarent», etc. — То же свидѣтельствуесть Rodericus de gestis Frid. 1, lib. 2, c. 5. Murator T. 6, p. 757.

которыхъ онъ участвовалъ, именуется *judex*, *causidicus*. Писатели же Среднихъ вѣковъ, повѣствующіе о его ученой дѣятельности, называютъ его только *magister*, а отнюдь не *doctor*. Но Вольфредъ, одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Ирнерія, именуется уже попеременно *judex*, *magister* и *doctor*. Не раньше какъ съ половины XII столѣтія и, вѣроятно, на основаніи грамоты Императора Фридриха I, Профессоры Права въ Болонскомъ Училищѣ присвоили себѣ исключительно званіе *doctores*, какъ почетный титулъ, служившій для отличія ихъ отъ Учителей Словесныхъ Наукъ и Искусствъ, сохранившихъ свое прежнее названіе *magistri*. Но какъ докторское званіе получило въ это время важное значеніе въ силу помянутой грамоты, присвоившей Профессорамъ, вмѣстѣ съ почетнымъ титуломъ *dominus doctor*, родъ начальственной власти надъ учениками, то и должно полагать, что около этого же времени введены первыя правила производства въ докторское достоинство, которыя, получивъ въ послѣдствіи надлежащее развитіе, внесены были въ университетскіе статуты. Въ концѣ XII столѣтія являются уже Докторы Каноническаго Права (*decretorum*), а въ XIII— *doctores medicinae* (или *fisicae*), *grammaticae*, *logicae*, *philosophiae*, *aliarum artium et artis notariae*.

Вообще въ XII и XIII столѣтіи Докторы или Профессоры Права достигаютъ самого высокаго значенія. Они, по одному уже своему званію, имѣютъ право на первостепенныя государственныя должности, могутъ быть членами правительственнаго совѣта, образуютъ свои собственныя коллегіи (*collegia doctorum*), на подобіе древнѣйшихъ судейскихъ коллегій (*collegia judicum et advocatorum*). Такое уваженіе къ Докторамъ имѣло двоякую пользу: во-первыхъ, оно заставляло добиваться докторской степени, а слѣдовательно и профессорскаго званія, лица, принадлежавшія къ почетнѣйшимъ фамиліямъ города; во-вторыхъ, оно внушало этому званію

благородное сознаніе своего достоинства: ибо давало ему такой же вѣсъ въ практической жизни, какъ и на учебномъ поприщѣ. Перемена этихъ обстоятельствъ была несомнѣнно главнѣйшею причиною упадка Юридическихъ Училищъ въ позднѣйшее время.

Неизвѣстно, какимъ порядкомъ первые Профессоры Права получали докторскую степень. По крайней мѣрѣ вѣрно то, что не позже, какъ во второй половинѣ XII столѣтія, для удостоенія докторской степени, образовался Производственный Факультетъ (*facultas promotionis*). Первоначально членомъ этого Факультета могъ быть каждый дѣйствительный Докторъ, безъ различія, былъ ли онъ родомъ Болонецъ или иностранецъ; но въ послѣдствіи, Докторы, уроженцы Болонскіе, увлекаемые честолюбіемъ или своекорыстіемъ, мало-по-малу вытѣснили изъ Факультета всѣхъ иностранцевъ (1). Въ концѣ XIII столѣтія, тогдашніе Члены Факультета, не довольствуясь побѣдою надъ иностранцами, рѣшившись званіе членовъ его сохранить наслѣдственнымъ въ своихъ семействахъ и, для достиженія этой цѣли, поклялись другъ другу не производить болѣе въ докторское достоинство никого изъ Болонцевъ, кромѣ своихъ сыновей, братьевъ и родственниковъ. Но на этотъ разъ городовое начальство, вмѣстѣ съ Университетомъ, рѣшительно воспротивилось столь незаконному притязанію Производственнаго Факультета: въ 1295 году Факультету дозволено было произвести въ докторское званіе шесть Болонцевъ, но подъ условіемъ, если они не родственники членовъ его (2). Подобные споры возобновлялись еще нѣсколько разъ; наконецъ городовое начальство прекратило ихъ навсегда, издавъ постановленіе, полагавшее денежный штрафъ въ 1000 ливровъ на весь Факультетъ и въ 200 ливровъ на

(1) Fantuzzi Scritt. Bologn. T. 2, p. 28.

(2) Ghirardacci T. 1, p. 327.

каждаго члена въ особенности, въ случаѣ, если бы такое самоуправство было допущено. Впрочемъ, Факультетъ достигнулъ своей цѣли въ главномъ: ибо, ограничившись небольшимъ числомъ членовъ, онъ предоставлялъ вакантныя мѣста однимъ только лицамъ, находившимся по какому-либо поводу въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ съ дѣйствительными членами Факультета и преимущественно родственникамъ ихъ (1).

Какъ схоларіи составляли Университеты, такъ равно Докторы, нѣсколько позже, образовали изъ себя Коллегіи (*collegia doctorum*). При Болонскомъ Училищѣ состояло пять Коллегій Докторовъ: двѣ Юридическія, Канонистовъ и Цивилистовъ, Медицинская, Философская и Богословская (2). Изъ нихъ древнѣйшія Коллегіи Юристовъ существовали уже въ XIII столѣтіи. Правила объ устройствѣ Юридическихъ Коллегій Докторовъ описаны въ статутахъ 1397 года (3). Членами Юридическихъ Коллегій могли быть одни только Болонскіе граждане, удостоенные докторской степени. Коллегія Канонистовъ состояла изъ двѣнадцати Цивилистовъ и 16 Ординарныхъ Членовъ (*ordinarii*). Сверхъ сего каждая Коллегія могла имѣть по 3 Почетныхъ Члена (*supranumerarii*) и неопредѣленное число Экстраординарныхъ (*extraordinarii*). Последніе обыкновенно избирались изъ ближайшихъ родственниковъ Ординарныхъ Членовъ и принимали участіе въ производствѣ, тогда какъ *supranumerarii* не пользовались этимъ преимуществомъ. Поэтому очевидно, что Ординарные и Экстраординарные Члены Юридическихъ Коллегій составляли вмѣстѣ и Производственный Факультетъ. Начальники Коллегій назывались Пріорами: у Кано-

(1) Fantuzzi Scritt Bologn. T. 2, p. 48, 49, 331. Справ. Sarti. P. 3, p. 21, 31. Alidosi, p. 214, 215. Ghirardacci, T. 1, p. 464.

(2) Ghirardacci. T. 2, p. 159. Orlandi, p. 311.

(3) Gaggi, fol. c. 3.

нистовъ они перемѣнялись каждые шесть мѣсяцевъ, у Цивилистовъ каждые два мѣсяца (1). Кромѣ производства въ докторскую степень, Юридическія Коллегіи Докторовъ, въ позднѣйшія времена, присвоили себѣ еще и другія преимущества, вовсе не соотвѣтственныя ихъ первоначальному назначенію, напр.: 1) возводить въ рыцарское званіе, за что иностранецъ платилъ 50, а туземецъ 100 скуди (2); 2) наравнѣ съ Судейскими Коллегіями, рѣшать вопросы практическаго судопроизводства, въ случаѣ, ежели тяжущіяся стороны прибѣгали къ ихъ мнѣнію. Впрочемъ, эти случаи были очень рѣдки: потому что самое рѣшеніе обходилось тяжущимся въ 100 дукатовъ, а канцелярскіе расходы стоили не менѣе 30 (3).

Независимо отъ помянутыхъ пяти Коллегій Докторовъ, была и шестая — *Collegium doctorum advocatorum et iudicum*, древнѣйшая изъ всѣхъ Коллегій. Члены ея, по мнѣнію Савиньи, прежніе практическіе Законовѣды (*judices et scabini*), извѣстные въ судебныхъ и правительственныхъ актахъ, принадлежащихъ къ началу Среднихъ вѣковъ, подъ именемъ *legis legum doctores, legum latores, causidici, advocati*, доставили Болонскому Училищу Правовѣдѣнія не одного знаменитаго Профессора Права; въ послѣдствіи и сами присвоили себѣ почетный титулъ *doctores*: потому что постоянно многіе изъ нихъ, а наконецъ и всѣ имѣли докторскую степень.

(1) Gaggi fol. C. 3, 4, D., F. 5.

(2) Ibid. fol. C. B. 4 и 6 — g. — *Informationi alli forextieri* (Bologna, 1791, 16), p. 57..... sono..... considerati.... di condizione egale ai Magistrati e fatti precedere a tutti gli ordini de' cittadini ed allo stesso Senato, vedendoti dalli statuti della città posti né primi ranghi di nobilità ed ascritti ai supremi Magistrati.

(3) Gaggi, Fol. T. 3—4.

2. Порядокъ производства въ докторскую степень (promotio).

Давалась степень Доктора или одного Гражданскаго Права или одного Каноническаго или того и другаго вмѣстѣ. Курсъ ученія для Канониста предписанъ былъ шестилѣтній, для Цивилиста восьмилѣтній. Впрочемъ, послѣднему убавлялся одинъ годъ ученія, если онъ, по порученію Ректора, читалъ лекцію или репетицію (lectio, repetitio), а также одинъ или два года, если онъ три или четыре года слушалъ Каноническое Право. Подтвердивъ присягою, что онъ дѣйствительно проучился законное время, кандидатъ избиралъ изъ Членовъ Производственнаго Факультета одного или двухъ Докторовъ представителей; на третьяго требовалось уже согласіе Ректора (1). Избранные кандидатомъ Докторы представляли его Канцлеру Училища, котораго обязанность была: строго наблюдать за точнымъ исполненіемъ правилъ, предписанныхъ статутами для испытанія и производства, и предпочтительно за тѣмъ, чтобы производились въ докторскую степень только истинно-достойные. Впрочемъ, Канцлеръ самъ не испытывалъ кандидата и не подавалъ голоса, а только изъяснялъ согласіе на производство, ежели всѣ законныя условія были въ точности исполнены.

По Папскому распоряженію (2), Болонскіе Архидіаконы были вмѣстѣ и Канцлерами Училища во всѣхъ

(1) Stat. Bon. lib. 2, p. 40—41.

(2) Это распоряженіе находится у Спонія De episc. Bon. lib. 2. Ghirardacci, T. 1, p. 12. Sarti, 2, p. 58. Savioli, II, 2, № 471. Оно издано Папою Гоноріемъ III на имя Болонскаго Архидіакона Gratia въ 1219 году. Вотъ подлинныя слова его: «Cum saepe contingat, ut in civitate Bononiensi minus docti ad docendi regimen assumantur, propter quod et Doctorum

Факультетахъ за исключеніемъ Богословскаго, въ которомъ это званіе было присвоено Болонскому Епископу (1).

Испытаніе было двойкаго рода: частное (*examen, privata examinatio*) и публичное (*conventus, publica examinatio*) (2). Докторы-представители, въ присутствіи Канцлера, предлагали кандидату для рѣшенія двѣ задачи (*textus, puncta assignata*), обѣ изъ Римскаго или обѣ изъ Каноническаго или одна изъ того другая изъ другого Права, смотря по тому, желалъ ли кандидатъ въ одномъ или въ обоихъ Факультетахъ получить производство (3).

honor minuatur et profectus impediatur Scholarium, volentiam erudivi: Nos eorundem utilitati et honori prospicere cupientes, auctoritate presentium duximus statuendum, ut nullus ulterius in civitate predicta ad docendi regimen assumatur, nisi a te obtenta licentia, examinatione praehabita diligenti, tu denique contradictores, si qui fuerint, vel rebelles, per censuram ecclesiasticam apellatione composcas». Dat. Romae IV Kal. Julii Pontificatus nostri anno tertio. Съ этого времени Папы считали Архидіакона главою Болонскаго Училища и всѣ свои распоряженія, касающіяся Университета, посылали на его имя

(1) Ghirardacci, T. 2, p. 474 (актъ съ 1494 года): *№ Vicescancellarius, Decanus et Universitas Magistrorum facultatis theologiae studii Bononiensis.... de consensu Acam.— D. Bartholomei episc. Bon. auctoritate apostolica dictae Universitati praesidentis et cancellariatus in ea officium exercentis.*

(2) *Examen v. Conventus. Stat. Bon. lib. 3, p. 68.— Privata v. publica examinatio. Stat. Bon. lib. 2, p. 41—43. Bartolus ad. L. 1, c. de athletic (1053): «Ex hoc inventa est consuetudo, quod scholares, ter examinante primo a doctore praesentante: secundo in privato examine: tertio in publico examine». — Но первое изъ упомянутыхъ здѣсь испытаній не что иное, какъ пробное испытаніе, гдѣ Докторъ-представитель хотѣлъ узнать только, въ состояніи ли будетъ кандидатъ приступить къ двумъ законнымъ испытаніямъ.*

(3) *Gaggi Collegii Bononiensis doctorum portificii scilicet et Caesarei Juris origo et dotes... Ed. Angelus Gaggius Bononiae 1710, 4, fol. D (4).*

Въ тотъ же день, по назначенію Канцлера, Кандидатъ, послѣ произнесенія второй присяги въ томъ, что онъ никому не заплатилъ свѣше законнаго положенія, производилось частное испытаніе, на которомъ онъ читалъ свое сочиненіе на заданныя темы. Испытывали въ учебныхъ предметахъ только Докторы-представители; прочіе Докторы могли только дѣлать возраженія противъ диссертациі (*quaestiones et oppositiones circa materiam punctionum*), поклявшись прежде въ томъ, что на счетъ ихъ они не имѣли съ кандидатомъ предварительнаго сношенія (1). Сверхъ сего Докторы обязывались обходиться, при испытаніи, съ кандидатомъ ласково и безпристрастно, подъ страхомъ устраненія на годъ отъ должности. Непосредственно послѣ этого перваго испытанія (*examen*), всѣ Докторы, Члены Производственнаго Факультета, подавали голоса и кандидатъ, признанный достойнымъ, получалъ званіе Лиценціата (2).

Вскорѣ за частнымъ испытаніемъ слѣдовало публичное (*conventus, publica examinatio*). Оно происходило въ Соборной церкви, куда все ученое сословіе изъ университетскихъ зданій отправлялось торжественно. Лиценціатъ, давъ третью присягу въ томъ, что никогда не будетъ дѣйствовать въ ущербъ интересамъ Университета и scholars и, пока живетъ въ Болоніи, будетъ повиноваться Ректору и университетскимъ статутамъ (3), произносилъ рѣчь къ собранію и потомъ читалъ пробную юридическую лекцію, на которую дѣлали возраженія не Докторы, но scholars. Послѣ этого Канцлеръ, или, по его порученію, Докторъ говорилъ рѣчь и въ ней провозглашалъ имя новаго Доктора; наконецъ Докторы-пред-

(1) Stat. Bon. lib. 2, p. 41—42.

(2) Ibid. lib. 2, p. 42, 43, 43.

(3) Ibid. p. 40—41, гдѣ предписываются всѣ три вышепомянутыя присяги, требуемыя отъ кандидата.

ставители вручали ему знаки докторскаго достоинства: книгу, перстень и шапку (беретъ) (*librum, annulum, birretum*) (1); тогда новый Докторъ произносилъ четвертую присягу Коллегіи Докторовъ въ томъ, что не будетъ дѣйствовать ни во вредъ ея, ни во вредъ отдѣльных ея членовъ и статutowъ (2). Торжество *conventus* оканчивалось опредѣленіемъ кафедры для новаго Доктора (3), который, въ первыя времена, обязывался въ этомъ случаѣ присягою, данною городовому начальству, не принимать профессорской должности внѣ Болоніи ранѣе извѣстнаго срока (4). Не прежде какъ въ 1312 году присяга эта была уничтожена за нѣкоторую сумму денегъ, которую заплатили городу scholars (5).

Производство въ докторскую степень сопровождалось немаловажными расходами, состоявшими частью въ вознагражденіи за труды лицамъ, участвовавшимъ въ испытаніяхъ, частью въ разнаго рода издержкахъ. Всѣ вознагражденія, опредѣленныя статутами за частное испытаніе (*examen*), простирались до 60 (80 руб. сер.), за

(1) Gaggi, fol. D. (2), fol. E.

(2) Gaggi, fol. E, гдѣ находится форма присяги: «*Foret dominatio vestra in manibus Ill. et Exc. DD. priorum quod non veniet contra hoc sacrum Collegium, vel singulos Doctores nisi suam vel suorum injuriam prosequendo et non interponent auctoritatem suam alicui Doctorando per aliquem comitem Palatinum in civitate vel Diocesi Bononiae.... et de se non ingerendo in examinandis aut exercendis scholaribus quibuscumque contra formam constitutionum sacri collegii*» etc.

(3) Gaggi fol. D. (2), fol. E.— Glossa Jo. Andreae ad Clem. 2, de Magistris (§ 1): «*Cum sua solemniter principia faciunt aut sui recipiunt insignia doctoratus*».

(4) Pillei Gumma in tres libros, tit. de municip. et orig. (10—38): «*Quo non multo post a Bononiensibus audito, sub alio velamine omnibus legalibus professoribus convocatis, ipsos et me ad sacramentum compulerunt, ne per continuum biennium extra civitatem Bononiae discipulis jura civilia traderemus*».

(5) Ghirardacci, T. 1, p. 560—561. Sarti, P. 3, p. 32.

публичное (*conventus*) до 89 ливровъ (100 руб) (1). Строго запрещено было освобождать отъ этихъ уплатъ, за исключеніемъ не многихъ случаевъ, въ которыхъ дозволялось безмездное производство, напр. при возведеніи въ докторскую степень Ректора Университета, докторскаго сына и пр. (2). Но публичное испытаніе влекло за собою и другіе расходы, несравненно значительнѣе вознагражденій; особенно дорого стоило торжественное шествіе, для котораго, по заведенному обыкновенію, многимъ особамъ должно было дарить новыя пурпуровыя тоги, и пр. (3). Для многихъ схоларіевъ расходы эти были слишкомъ разорительны: ибо въ 1311 году вышло Папское постановленіе, коимъ повелѣно обязывать докторантовъ присягою въ томъ, чтобы расходы ихъ на предметы роскоши при публичномъ испытаніи отнюдь не превышали 500 ливровъ (около 660 руб.) (4).

Въ половинѣ XVI столѣтія введены многія измѣненія въ порядкѣ производства. Пріоръ ученаго Факультета, къ которому принадлежалъ докторантъ, производилъ ему пробное испытаніе (*tentamen*) въ своей квартирѣ, потомъ слѣдовало частное испытаніе (*examen*) въ присутствіи Факультета, а за нимъ производство и врученіе докторскихъ знаковъ. Публичное испытаніе, стоившее

(1) Stat. Bon. lib. 2 p. 43, 44, lib. 3 p. 65, 66, гдѣ описано подробно, кому сколько слѣдовало уплатить. Канцлеръ получалъ за каждое испытаніе по 12½ ливровъ и за рѣчь 3¼ ливра; Докторы-представители, сколько бы ихъ ни было, получали всѣ вмѣстѣ 24 ливра; прочіе же Докторы получали за *examen* по 2, за *conventus* — по одному ливру.

(2) Gaggi, fol. E. Accursius in gl. sumptibus. L. 3, C. de adv. div. jud. (2—3).

(3) Alidosi. p. 224.

(4) Clem. 2, de magistris «ultra tria millia Turon. argenteorum». Что объясняется глоссою Iohannis Andreae такъ: «ascendunt ad monetam Bon. quingentas lib. Bononiorum parvarum ponendo Turon. produabus Venetis vel XL. Bonon. parvis».

чрезвычайныхъ издержекъ, вовсе оставлено. Иностранецъ за двойное докторство (*in utroque jure*) платилъ 32, за одно 21 скуди; Болонецъ платилъ за двойное 157, за докторство по Каноническому Праву 59, по Гражданскому 80 скуди.

Лицамъ, удостоеннымъ докторской степени въ Болоніи, предоставляемы были слѣдующія права: 1) Они могли читать лекціи не только въ Болонскомъ, но, въ слѣдствіе Папскаго повелѣнія, и въ каждомъ высшемъ Училищѣ всей тогдашней Римскокатолической Европы (1). 2) Докторы, Дѣйствительные Профессоры (*doctores legentes*) пользовались судебною властью надъ своими схоларіями. 3) Докторская степень составляла необходимое условіе (*conditio sine qua non*) для поступленіе въ члены Производственнаго Факультета, хотя пріемъ въ оныя и ограничивался въ послѣдствіи одними Болонцами и преимущественно родственниками Дѣйствительныхъ Членовъ.

Но и схоларіи допускались къ чтенію лекцій въ Болонскомъ Училищѣ, на что не требовалось даже согласія Коллегіи Докторовъ; достаточно было дозволеніе Ректора Университета, даваемое схоларію, если онъ подтвердилъ присягою, что слушалъ лекціи Права пять или шесть лѣтъ, смотря по тому, желалъ ли онъ читать одну главу, одинъ трактатъ, или цѣлую книгу Римскаго или Каноническаго Права; впрочемъ, Ректоръ, по усмотрѣнію, могъ и смягчать это условіе. Сообразно объему читаемой лекціи, схоларіи платилъ за дозволеніе въ пользу Университета 5, 10 и 20 соллдовъ (2). Прочи-

(1) Sarti P. 2, p. 59, lit. G. (a 1292). Ghirardacci. T. 1, p. 839 (a 1310).

(2) Stat. Bon. lib. 2, p. 39—40: освобождались отъ платы сыновья Докторовъ. Accursius gl. *sumptibus*. L. 3, C. de adv. div. jud. (2 8).... «No Arg. quod filii doctorum non debent aliquid dare pro sumptibus cum legunt ordinarie vel extraordinarie vel examinantur et quod aliis etiam aequibanis preferuntur».

тавшій же цѣлую книгу Римскаго или Каноническаго Права или прорепетировавшій удовлетворительно какую-либо статью изъ того или другаго, получалъ званіе Баккалавра (*baccalaureus*), которое, не будучи никакою ученою степенью, до XIV столѣтія присвоивалось схоларіямъ на основаніи статutowъ (1), но съ этого времени въ Баккалавры производилъ одинъ Факультетъ безъ Канцлера (2).

3. Учебная дѣятельность Профессоровъ и порядокъ преподаванія лекцій.

Учебная дѣятельность Профессоровъ въ Болонскомъ Училищѣ состояла въ чтеніи лекцій, кои, смотря по объему учебнаго предмета и формѣ изложенія, именовались *lectiones*, *repetitiones*, *disputationes*. Полное, систематическое изложеніе учебнаго предмета, по программѣ изложенной въ статутахъ, и въ опредѣленные часы, называлось *lectio*, *lectura*, *regere in schola*. Но ежели какая статья (*textus*) учебнаго предмета, по своему объему, многосторонности, неясности, или по другимъ особенностямъ, требовала болѣе подробнаго изслѣдованія, развитія, критическаго разбора и опроверженія спорныхъ мнѣній: то, для должнаго объясненія подобной статьи, преподаватель обязывался читать объ ней вторую, прибавочную лекцію, въ дни свободные отъ лекціи главныхъ (3). Такого рода лекція называлась *repetitio*.

(1) Stat. Bon. lib. 2, p. 40.

(2) Gaggi. fol. D. sqq.

(3) Alciati Or. Bononiae habita a. 1537. Opp. T. 4, p. 866:.... Bartolus, Baldus, Paulus duntaxat vacationum diebus aliquam legem iterum interpretandam accipiebant, quam diffusius disputarent ideoque repetitiones dixerunt: et hodie omnes repetitiones sunt». Odofredus Proemium in Dig. vetus (M. Paris, 1489, fol. 102): «et si aliqua lex repetitione digna fuerit ratione famae

Disputationes были нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ инавгуральныхъ диссертаций. Преподаватель, избравъ какую-либо задачу (*questio*) изъ Римскаго или Каноническаго Права, и предпочтительно изъ случаевъ практическаго судопроизводства, разсматривалъ ее со всѣхъ сторонъ и выводилъ свое заключеніе. На диспутаціи присутствовали всѣ бакалавры, и каждый схоларій имѣлъ право дѣлать возраженія.

Со того времени, какъ положено жалованье преподавателямъ въ Болоніи (о чемъ сказано будетъ ниже), Докторы, получавшіе жалованье, равно какъ и схоларіи, добивавшіеся каѳедры съ жалованьемъ, обязывались къ чтенію репетицій и диспутацій по-очереди, начиная съ младшаго. Но ежели Докторъ не получалъ жалованья, тогда зависѣло отъ его доброй воли принять или не принять на себя этотъ учебный трудъ. Для репетицій назначалось время отъ начала учебнаго года до Великаго Поста, для диспутацій—отъ Великаго Поста до Троицына дня. Репетиціи, равно какъ и диспутаціи, по положенію, читались кѣмъ-либо изъ преподавателей, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю, въ дни, свободные отъ главныхъ лекцій, не исключая и праздниковъ, кромѣ первостепенныхъ. Ректоръ строго наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ этого правила, и ежели для очереди не доставало преподавателя на жалованьѣ, онъ имѣлъ право возложить репетицію или диспутацію на кого-либо изъ Докторовъ. За нѣсколько дней до чтенія, *textus repetendus* и *quaestio disputanda* публиковались для всеобщаго свѣдѣнія; а въ теченіе мѣсяца по прочтеніи, то и другое, пополненное, выправленное и на-бѣло переписанное, передавалось университетскому беделю (*bidellus universitatis*

vel difficultatis, eam serotinae repetitioni reservata. Nam ad minus bis in anno disputato, scilicet semel ante nativitatem, semel ante Pascha ».

или *generalis*) для храненія въ архивѣ (1). Нѣтъ сомнѣнія, что диспутации древнѣе самаго Болонскаго Училища Правовѣдѣнія: потому что и въ прежнихъ Училищахъ Словесныхъ Наукъ, гдѣ Римское Право читалось въ видѣ образцовъ древней Литературы, для ученическихъ сочиненій (*elucubratoines, exercitationes*), чтобъ ознакомить учениковъ съ практическимъ судопроизводствомъ, назначались преимущественно юридическіе вопросы (2).

Относительно главныхъ лекцій, въ статутахъ были предписаны слѣдующія правила. Для каждаго учебнаго предмета назначался годичный курсъ. Декреталисты на-

(1) Stat. Bon. lib. 2, p. 36—38, addit. p. 92—99. О сдѣчѣ белелю репетиции и диспутации— lib. 2 p. 38 «Quare statuimus, q. doctor disputans vel repetens per se vel per alium questionem vel argumenta, et solutionem suam pro ut melius poterit recolligat et in grossa litera in pergamino conscribat vel codicante per alium conscribantur nec alio istud officium dictandi committat sub debito juramenti: Decernentes, ut ipse doctor quaestionem sic disputatam vel repetitionem correctam et examinatam per eum ut supra dictum est, infra mensem numerandum a die disputationis vel repetitionis factae, in virtute praestiti juramenti, bidello tradere debeat generali, quod si facere distulerit, paenam decem ducatorum auri ipso jure incurrant de eorum salario persolvendam, quam nostrae universitati volumus applicari».

(2) Anon. Chronica Normaniae in Hist. Normanorum script. ant. ed Duchesne. Paris 1619. f. 983 (de magistro Wacario) ab. incarn. Dom. MCXLIX in Anglia discipulos doceret, «. Suggestione pauperum, de codice et digesta exceptos IX Libros composuit, qui sufficiunt ad omnes legum lites quae in scholis frequentari solent, decidendas». Thomae Contuariensis epistolae (см. выше, стр. 33, примѣчаніе). «Super his omnibus, quae dilectioni vestrae scribere studui, eum in scholis vestris, causidicorum more, themata inde elicueritis, et juxta oratoriam vel legitimam institutionem Quintilianum vel Papinianum fueritis in argumentis et allegationibus imitati, merita causarum ex incude et malleis vestris exilientium nobis tanquam desideratum antidotum renuntiate etc.»

чинали его въ день Св. Луки, т. е. 19 Октября; всѣ прочіе въ слѣдующіе за тѣмъ дни. Учебный курсъ открывали торжественнымъ актомъ и рѣчью, которую читалъ одинъ изъ схоларіевъ или Профессоровъ Словесныхъ Наукъ. Праздничные дни (*feriae*), въ которые не читались лекціи, опредѣлены были съ точностію; ихъ было 90, со включеніемъ двухъ недѣль Пасхи и девяти дней Рождества Христова. Сверхъ сего не было ученія по Вторникамъ. Каникулы начинались 7 Сентября т. е. наканунѣ Рождества Богоматери. Въ продолженіе ихъ, чтеніе главныхъ лекцій прекращалось. Позволялось однакожь, если кто желалъ, читать отдѣльные трактаты или объяснять отдѣльные законы (1). Лекціи читались утромъ и послѣ полудня. Утреннія лекціи начинались на разсвѣтѣ, когда прозвонили въ соборѣ на молитву, и раньше, если того желалъ Докторъ и его схоларіи; оканчивались онѣ въ 9 часовъ утра (*ad horam tertiarum*). Послѣ-полуденныя лекціи начинались съ 19 часовъ (по Италіянскому раздѣленію дня) и оканчивались въ 22 часа. Лекціи продолжались отъ одного до двухъ часовъ. Время начала каждой лекціи, ея продолженія и окончанія различалось по роду учебныхъ предметовъ. Докторъ, неявившійся на лекцію въ дни учебные, платилъ два ливра штрафа; за поздній приходъ Профессоръ платилъ 20 солидовъ, схоларій 10. Преподаваніе состояло въ изустномъ изложеніи; строго запрещалось Профессору, подъ штрафомъ 10 ливровъ, диктовать лекціи изъ тетрадей, или, вмѣсто себя, заставлятъ кого-либо изъ схоларіевъ читать ихъ по тѣмъ же тетрадямъ (2).

Лекціи, равно какъ и книги, по которымъ онѣ читались, и читавшіе ихъ Профессоры, одни назывались Ординарными, другіе Экстраординарными. Ординарныя

(1) Stat. Bon. lib. 2 pag. 34—35.

(2) Ibid. pag. 35.

лекціи (*lecturae ordinariae*) читались въ утренніе часы и только по ординарнымъ книгамъ. Экстраординарныя же лекціи читались въ послѣполуденные часы, предпочтительно по экстраординарнымъ книгамъ, хотя предметомъ для нихъ могли служить и ординарныя книги (1). Къ ординарнымъ книгамъ Римскаго Права причислялись *Digestum vetus* и *Codex*, Каноническаго Права *Decretalia* и *Decretum*. Всѣ прочія юридическія книги какъ Гражданскаго, такъ и Каноническаго Права, назывались экстраординарными. Званіемъ Ординарныхъ Профессоровъ пользовались только тѣ Докторы, Болонскіе граждане, которые могли доказать это гражданство по крайней мѣрѣ собственнымъ происхожденіемъ и происхожденіемъ своего отца. Имъ принадлежало по преимуществу чтеніе ординарныхъ лекцій и экстраординарныхъ по ординарнымъ книгамъ (2); впрочемъ, если и экстраординарныя книги составляли единственный или добавочный предметъ ихъ учебныхъ занятій, то и тогда не теряли они званія Ординарныхъ Профессоровъ (3). Экстраординарными назывались Профессоры, имѣвшіе право читать только однѣ экстраординарныя лекціи; званіемъ Экстра-

(1) Savigny *Gesch. S. R. R.* 3, B., § 98—99.

(2) *Stat. Bon. lib. 4 p. 69.....* «Statuimus et ordinamus quod doctores vere et naturaliter cives civitatis Bon. origine propria, paterna et avita, vel duabus saltem ex eis praesint lecturis ordinariis librorum ordinariorum et qui legi consueverunt in qualibet facultate: declarantes in jure civili libros ordinarios esse: *Codicem et Digestum vetus*: extraordinarios infortiatum, *Digestum novum et Volumen*: in Jure vero Canonico *Decretalem et Decretum de mane ordinarie esse*».

(3) *Stat. Bon. lib. 1, p. 35. Odofredus ad Const. Omnem.*: «Sed nos de consuetudine non servamus istum legendi ordinem, imo primo legimus *Dig. vetus*, postea *Codicem* in quo est practica totius civilis sapientiae vel e contra. Alios libros extraordinarie legimus, et si quis sciverit bene istos duos, alios poterit per se scire et docere alios», etc.

ординарныхъ Профессоровъ пользовались Докторы иноземцы и Баккалавры.

Первоначально, по этому различію ординарныхъ и экстраординарныхъ лекцій, раздѣлялись преподаватели учебныхъ предметовъ на Докторовъ и Баккалавровъ (1); но когда Докторы-Болонцы исключительно себѣ присвоили ординарныя лекціи, тогда само собою составилось три разряда преподавателей: Докторы-Ординарные Профессоры, Докторы-Экстраординарные Профессоры и Баккалавры (*doctores ordinarie legentes, doctores extraordinarie legentes et baccalaurei*).

Впрочемъ, раздѣленіе лекцій на ординарныя и экстраординарныя не случайное и произвольное: оно основано на существенной важности ординарныхъ книгъ, заключавшихъ въ себѣ, по мнѣнію тогдашнихъ Профессоровъ-Юристовъ, неисчерпаемый источникъ юридической мудрости, полное разрѣшеніе всѣхъ юридическихъ вопросовъ, и кто основательно изучилъ ихъ подъ руководствомъ наставника, тотъ всѣ остальные книги Юридическаго Факультета въ состояніи былъ изучить самъ собою (2).

(1) Sarti (Р. 2, р. 105) приводитъ списокъ университетскихъ Чиновниковъ, съ 1297 года свободныхъ отъ воинской повинности, гдѣ сказано: «*Item excusantur Doctores ordinarie legentes, et Baccalaurei legentes extraordinarie nominati per Rectores scholarium*».

(2) Odofredus смотри выше, стр. 93, прим. 3. Впрочемъ, это мнѣніе можетъ быть справедливо только относительно ординарныхъ книгъ Каноническаго Права и Кодекса (*Codex*); что же касается свода сочиненій древнихъ Римскихъ Юристовъ, называемаго *Pandectae, Digesta* и раздѣлившагося въ Средніе вѣка на три части: *Digesta vetus, infortiatum et novum*, то предпочтеніе, какое оказывали Болонскіе Юристы *Digesto veteri* предъ прочими этого свода частями, только и можетъ быть объяснено тѣмъ, что *Digestum vetus* прежде ихъ было отыскано и объяснено глоссами Ирнеріемъ, знаменитымъ родоначальникомъ Болонскихъ Юристовъ.

Это были, по нашему, главные учебные предметы университетскаго курса по Юридическому Факультету, и слѣдовательно къ слушанію ихъ обязывались всѣ безъ изъятія схоляріи, тогда какъ посѣщеніе лекцій, читанныхъ по экстраординарнымъ книгамъ, составлявшимъ добавочный курсъ, предоставлялось на произволъ каждаго схолярія. И въ этомъ-то, по видимому, заключалась главная причина, почему своекорыстные Докторы-Болонцы присвоили себѣ исключительно чтеніе ординарныхъ книгъ. Профессоры за свои лекціи получали *honoraria* отъ схоляріевъ (объ этомъ послѣ скажемъ подробно). По своей важности, ординарныя лекціи всегда имѣли огромное число посѣтителей (1) и *honoraria* за нихъ получались исправно, тогда какъ малочисленные слушатели экстраординарныхъ лекцій часто уклонялись отъ уплаты гонораріевъ (2).

Предметъ лекцій (*lectiones lecturae*), по Римскому Праву, предпочтительно составляло чтеніе, съ надлежа-

(1) О многочисленности схоляріевъ въ Болоніи см. *Odofredus ad Codicem*, аuct. *Habita* (см. выше, Глава II, примѣчаніе 18).

(2) *Odofredus ad L. fin. D. divert.* (т. е. при заключеніи *Dig. vetus*) съ простодушною откровенностью пеняетъ схоляріямъ за ихъ неаккуратность въ платежѣ за экстраординарныя лекціи. «*Or. Signori, nos incipimus et finivimus et mediavimus librum istum sicut scitis vos, qui fuistis de auditorio isto, de quo agimus gratias Deo et b. Mariae Virgini Matri ipsius et omnibus Sanctis ejus. Et est consuetudo diutius obtenta in civitate ista, quod cantatur missa quando liber finitur, ad honorem Sancti Spiritus: et est bona consuetudo et ideo est tenenda. Sed quia moris est quod doctores in fine libri dicant aliqua de suo proposito, dicam vobis aliqua, pauca tamen. Et dico vobis, quod in anno sequenti intendo docere ordinarie bene et legaliter sicut unquam feci, extraordinarie non credo legere, quia scho-lares non sunt boni pagatores, quia volunt scire, sed nolunt solvere juxta illud: scire volunt omnes, mercedem solvere nemo. Non habeo vobis plura dicere, eatis cum benedictione Domini, tamen bene veniatis ad missam, et rogo vos*».

щимъ объясненіемъ пяти частей полнаго свода Римскихъ Законовъ, извѣстнаго подъ именемъ *Corpus Juris*. Части эти были: *Digestum vetus, infortiatum et novum, Codex et Volumen*. *Digestum vetus et Codex* составляли ординарное чтеніе, а *infortiatum, novum et Volumen* — экстраординарное. Первоначальное чтеніе каждой изъ пяти частей продолжалось одинъ годъ; а какъ для чтенія каждого учебнаго предмета, по положенію, назначалось не болѣе одной лекціи въ день: то, чтобы доставить каждому Профессору возможность окончить въ продолженіе учебнаго года и чтеніе частей бѣльшаго объема, дозволялось начинать лекціи раньше и оканчивать позже опредѣленнаго въ статутахъ времени, или употреблять на нихъ по нѣскольку лишнихъ часовъ въ недѣлю. Профессоръ не ограничивался чтеніемъ одной части, но читалъ ихъ всѣ, одну за другой: такимъ образомъ схоларіи, избравъ по собственному усмотрѣнію между Докторами одного, обыкновенно не оставляли его во все время своей студентской жизни, постоянно посѣщая его лекціи и подчиняясь его судебной власти, — отъ чего по всей справедливости и называли его своимъ господиномъ Докторомъ (*meus dominus doctor*) (1).

Но во второй половинѣ XIV столѣтія послѣдовало новое распоряженіе (2). Каждую изъ трехъ частей Дигеста и Кодексъ велѣно читать въ одно время двумъ Профессорамъ, — одному одну, другому другую половину каждой книги, въ продолженіе учебнаго года. Такимъ образомъ время для чтенія лекцій удвоилось противъ прежняго; но съ тѣмъ вмѣстѣ и прежняя исключительная зависимость схоларіевъ отъ одного Профессора совершенно

(1) *Odofredus*, in *Dig. vetus proemio*, начерталъ краткую программу своихъ годовичныхъ лекцій, которой, вѣроятно, съ незначительнымъ измѣненіемъ, слѣдовали и другіе современные ему Профессоры.

(2) *Stat. Bon. lib. 2, p. 35.*

прекратилась. Volumen читалъ одинъ Профессоръ, и если чего не дочитывалъ въ одномъ курсѣ, то оканчивалъ въ началѣ другаго. Такой же порядокъ чтенія предписанъ былъ новыми статутами и для лекцій Каноническаго Права.

Къ удвоенію времени для лекцій, безъ сомнѣнія, подало поводъ обстоятельство, замѣченное Французскимъ Юристомъ Фабромъ въ половинѣ XIV столѣтія, именно: что Профессоры, не успѣвая, въ теченіе учебнаго года, прочитывать сполна той или другой юридической книги, многое въ нихъ пропускали, что очевидно вредило успѣхамъ Науки (*).

Такая неуспѣшность въ преподаваніи вовсе не была слѣдствіемъ небрежности или упущеній по должности со стороны Болонскихъ Профессоровъ: строгость Университетскихъ статутровъ достаточно охраняла училища отъ подобнаго своеволія. Причина этому заключалась въ ложномъ направленіи, какое начало водворяться въ преподаваніи учебныхъ предметовъ еще съ половины XIII столѣтія, со временъ Акурсія и Одофреда и въ послѣдствіи около трехъ столѣтій господствовало на всѣхъ каедряхъ Юридическаго Факультета въ Болоніи, тогда какъ, отъ стеченія многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, едва изрѣдко появлялись на нихъ самостоятельные таланты, подобные тѣмъ, которые прославили Болонское Училище въ первыя времена его существованія. Предметъ этотъ стоитъ того, чтобы посвятить ему нѣсколько лишнихъ строкъ.

Въ началѣ главы мы старались доказать, что началу Болонскаго Училища главнымъ образомъ способ-

(*) Jo. Faber. in pr. I, de act. verb. actio inf.: «Audeo autem tibi dicere, quod nescit legem, qui non legit Codicem de aequo processu in anno, et idem de aliis voluminibus, et sic ut Bononiae».

ствовало глубокое сознаніе потребности вѣка, состоявшей въ основательномъ изученіи Римскаго Законодательства. И потому—то славнѣйшіе Болонскіе Учители Права, отъ Ирнерія до Одофреда, т. е. отъ начала XI до половины XIII столѣтія, постоянно одушевляемые этою мыслию, съ неутомимымъ усердіемъ трудились словесно и письменно надъ объясненіемъ текста знакомыхъ уже намъ источниковъ Римскаго Права, то возстановляя правильное чтеніе словъ и смыслъ фразы, то соглашая противорѣчія отдѣльныхъ Законовъ критическимъ сличеніемъ ихъ между собою, то рассматривая частные случаи, взятые изъ практическаго судопроизводства, и рѣшая ихъ на основаніи Римскихъ Законовъ, то наконецъ, излагая цѣлыя части свода (*Corpus juris*) или отдѣльныя главы его въ полномъ, систематическомъ трактатѣ, въ видѣ учебныхъ руководствъ. Такого рода изустныя лекціи и сочиненія, смотря по формѣ изложенія и объему, назывались: *glossae*, *questiones*, *summae*. Глоссы, въ коихъ объяснялись слова и смыслъ текста (*expositio sententiae et literae*), составляли замѣчательнѣйшую часть Юридической Литературы перваго періода т. е. до половины XIII столѣтія, что и дало поводъ къ прозванію Сочинителей ихъ *Glossatores*.

Честъ и слава этимъ глоссаторамъ: они много помогли распространенію свѣта Наукъ въ современной имъ Европѣ, не только тѣмъ, что воскресили Науку Правовѣдѣнія, нѣсколько столѣтій покоившуюся въ мертвенномъ оцѣпенѣніи, но и тѣмъ, что ихъ ученая дѣятельность имѣла благотворное дѣйствіе и на возрожденіе другихъ знаній, въ свою очередь незамедлившихъ найти для себя усердныхъ воздѣлывателей въ самыхъ же ученикахъ глоссаторовъ, которые стекались въ Болонію со всѣхъ концовъ Европы, обогащались всякаго рода знаніями, какія только возможно было почерпнуть въ лекціяхъ и сочиненіяхъ Профессоровъ Юридическаго и

другихъ Факультетовъ, и потомъ, возвратясь на родину, передавали ихъ соотечественникамъ въ дружескихъ бесѣдахъ, въ сочиненіяхъ, а вскорѣ и преподаваніемъ въ Училищахъ, которыя на образецъ Болонскаго возникли во многихъ мѣстахъ.

Но это плодотворное оживленіе Науки Правовѣдѣнія, подававшее въ XII столѣтіи столь утѣшительныя надежды, уже съ половины XIII начало снова угасать; тогда, вмѣсто умной, богатой послѣдствіями дѣятельности, появилось бесплодное, безсознательное труженичество. Правда, въ XIV столѣтіи ожило новое стремленіе къ умственнымъ трудамъ: но они были несравненно ниже прежнихъ и достоинствомъ и послѣдствіями. Чтобъ изяснить сущность новаго стремленія и породившія его причины, надобно опредѣлить, какое вліяніе имѣла на Науку Права общественная жизнь вѣка, другія области знаній и наконецъ общепринятая метода преподаванія.

Общественная жизнь Италіи прекрасно способствовала процвѣтанію школы глоссаторовъ: ибо во вновь воскреснувшихъ Респу́бликахъ и Правительство и сословія благопріятствовали успѣхамъ Науки Правовѣдѣнія, и для самыхъ учителей открыты были всѣ почетнѣйшія мѣста въ государственномъ управленіи; хотя же и случалось сильное столкновеніе партій, однакожь въ гражданахъ долго еще теплилась чистая и безкорыстная любовь къ отечеству и законной свободѣ. Но власть Дворянства, законная, умѣренная, благотѣльная, ниспровергнута была чернью; если же потомъ удавалось Дворянамъ снова захватить въ руки кормило правленія, то они не знали уже мѣры жестокости въ наказаніи злоупотребленій свободы. Борьба Гвельфовъ съ Гибелинами продолжалась только по имени, совершенно потерявъ свое первобытное значеніе. Часто самыя ничтожныя обстоятельства, личныя цѣли, или семейныя сдѣлки, служили поводомъ къ кровавымъ раздорамъ.

Это жалкое положеніе общественныхъ дѣлъ въ Италіи имѣло самое вредное вліяніе и на Профессоровъ Права. Внѣшнее значеніе и внутреннее благородное самосознаніе, дававшее имъ столько вѣса въ Ломбардскихъ городахъ, исчезло: они болѣе не участвовали уже въ государственномъ управленіи. Конечно, неразвлекаемые посторонними занятіями, они могли бы теперь, съ сугубою пользою для Науки, сосредоточить свою дѣятельность на учебномъ поприщѣ; но этому препятствовала частая перемѣна ихъ мѣстопробыванія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ снята была клятва съ Болонскихъ Докторовъ, принимавшихъ каѳедру въ Болонскомъ Училищѣ, по крайней мѣрѣ два года не читать лекцій внѣ Болоніи, еще болѣе когда Болонцы исключительно присвоили себѣ важнѣйшія юридическія каѳедры. Переселялись и прежде ученые Юристы изъ одного училища въ другое; но это случалось очень рѣдко и какъ исключеніе изъ общаго правила. Съ XIV же столѣтія Профессоры-Юристы начали вести истинно-кочевую жизнь, и эта жизнь произвела самую невыгодную перемѣну въ ихъ личномъ характерѣ. Съ сожалѣніемъ видимъ, что съ этого времени самые извѣстные Профессоры Права, не смотря на то, что слава ихъ гремитъ далѣе, нежели слава ихъ предшественниковъ, что владѣтельные Государы стараются наперерывъ привлекать ихъ къ себѣ, не щадя для нихъ ни почестей, ни жалованья, которое и нынѣ показалось бы огромнымъ,—не смотря на все это они занимаютъ мѣста менѣе достойныя и самостоятельныя, нежели ихъ предшественники, и поведеніемъ не всегда приносятъ честь своему благородному званію.

Притомъ же измѣнились во многомъ и мѣстныя обстоятельства. Слава Болоніи, представлявшей въ прежнее время почти единственное поприще профессорской дѣятельности ученыхъ Юристовъ, теперь до того упала, что рѣдко удавалось ей заманить въ свое училище луч-

шихъ Профессоровъ, которые предпочитали жить въ Пизѣ, Перджіи, Падуѣ, Павіи, коихъ училища достигли уже въ это время первостепенной важности.

О вліяніи другихъ областей знанія на развитіе Науки Правовѣдѣнія не лѣзя ничего сказать утѣшительнаго. Состоя въ самой тѣсной связи съ Философіею, Исторіею, Филологіею, Наука Правовѣдѣнія нисколько не воспользовалась результатами современныхъ ученыхъ трудовъ въ области помянутыхъ знаній, хотя онѣ, въ продолженіе XIV столѣтія, достигли высокой степени развитія. Уже съ началомъ XIV столѣтія ученая дѣятельность съ неутомимымъ рвеніемъ принялась разрабатывать давно забытое поле древней Литературы, и успѣхи ея были тѣмъ блистательнѣе и благотворнѣе, что они пробудили стремленіе къ разработкѣ народной Словесности. Давте, Петрарка и Боккачіо, отличнѣйшіе знатоки древней Литературы, возвели Италіянскую Поэзію и прозу на высочайшую степень совершенства. Одна Наука Правовѣдѣнія не извлекла ни малѣйшей пользы изъ классической Филологіи, и это тѣмъ поразительнѣе, что многіе Профессоры Римскаго Права (напр. Cino, Aretinus и проч.) были вмѣстѣ глубокіе знатоки древней Литературы, и при всемъ томъ не только не оставили никакого о томъ слѣда въ своихъ юридическихъ сочиненіяхъ, но и сами они болѣе достойны вниманія какъ Латинскіе Поэты и Филологи, нежели какъ Юридическіе Писатели. Такимъ образомъ Наука Права, отчуждившись отъ прочихъ званій и запершись въ своемъ ограниченномъ кругу, вмѣсто того, что она въ XII и XIII столѣтіяхъ далеко опереживала всѣ другія званія, теперь, когда тѣ быстро двинулись впередъ, упала многими ступенями ниже прежняго своего значенія. Одну изъ главныхъ причинъ столь плачевнаго ея упадка должно отнести къ той безтолковой методѣ преподаванія, какая около трехъ столѣтій сряду деспотически господство-

вала въ училищахъ Правовѣдѣнія и особенно въ Болонскомъ.

Ученое знаніе Римскаго Права въ этомъ періодѣ, какъ и прежде, проявлялось исключительно на кафедрахъ Юридическихъ Училищъ. Но предметомъ для учебныхъ трудовъ глоссаторовъ служилъ самый текстъ источниковъ Римскаго Законодательства, между тѣмъ какъ новые преподаватели обратили все свое вниманіе на однѣ глоссы: не пользуясь ими, какъ ученымъ пособіемъ для объясненія текста, они занимались чтеніемъ и разборомъ ихъ, какъ главнаго предмета. Это часъ-отъ-часу должно было увеличиваться, когда къ безотчетному множеству глоссъ присоединились многочисленныя сочиненія Профессоровъ Юристовъ, одно другаго безтолковѣе. Многія мнѣнія глоссаторовъ и ихъ преемниковъ приняты были за основныя правила (*communis opinio*), не по своему существенному достоинству, а по числу Писателей, которые ихъ защищали. Новые Профессоры вовсе отказались отъ самостоятельности мысли: Авторитетъ знаменитѣйшихъ предшественниковъ налагалъ несокрушимыя оковы на всякое стремленіе къ новому, самостоятельному разысканію. Наборъ безчисленныхъ цитатъ составлялъ главную работу учителей и учениковъ, и слава Профессора зависѣла теперь лишь только отъ умѣнья представить этотъ хаосъ цитатъ въ возможномъ порядкѣ и ясности.

Къ затмѣнію Науки Правовѣдѣнія въ это время не менѣе способствовалъ давно развившійся вкусъ къ діалектическимъ формамъ изложенія, породившимъ тѣ мелочныя тонкости, то плоское остроуміе, пустую игру словъ, тѣ педантическія дѣленія и подраздѣленія Науки, кои, получивъ право гражданства въ юридическихъ сочиненіяхъ этого періода, сохранились въ ученой полемикѣ слѣдующихъ столѣтій, предпочтительно у Нѣмецкихъ Писателей.

Это безсознательное загроможденіе учебнаго курса массою литературныхъ матеріаловъ, вмѣстѣ съ педантизмомъ изложенія, довели до того, что полное и отчетливое объясненіе источниковъ Римскаго Права, свойственное глоссаторамъ, сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ, и что, не смотря на удвоенное время Статутами для чтенія каждой части свода Римскихъ Законовъ, выбирались изъ нихъ только небольшія статьи, въ видѣ темъ для лекцій, которыя, впрочемъ, наполнялись одними цитатами изъ глоссъ и пресловутыхъ юридическихъ сочиненій; изученіе же всего остальнаго какъ въ ординарныхъ, такъ и въ экстраординарныхъ книгахъ предоставлялось собственному трудолюбію слушателей (*).

(*) Alciati or. Bononiae habita 1536.... Opp. T. 4, p. 866. «Veteres, ut Azo, Accurtius, Pileus, caeterique glossematici doctores, ita jura interpretabantur, ut tanquam canes in Aegypto biberent et fugerent, paucis oppositionibus contenti ad alia subinde festinebantur. Qui deinde secuti sunt, Bertolus, Baldus, Paulus, diffusius omnia attigerant, et certis regulis atque doctrinis ceu compedibus quibusdam, jus civile concluserunt, non usque adeo tamen, ut omnia in unum locum congererent: duntaxat vacationum diebus aliquam legem iterum interpretaendam accipiebant, quam diffusius disputarent, ideoque repetitiones dixerunt: et hodie omnes repetitiones sunt, nihilque plerisque dictum videtur, si quisquam omissum fuerit, quod commodius in alium locum reservetur. Unde efficitur, ut singulis annis paucas admodum leges intrepraetemur: habetque quaelibet docendi via atque ratio defensores suos». — Idem Or. habita Bononiae a. 1539.— Opp. T. 4, p. m. 868: «Adeo diffusi sunt cum veterum tum recentiorum commentarii et tam paucae toto vertente anno lectiones occurrunt, ut, quae exposituri sumus, eorum quae omittantur comparatione, pro nihilo sunt. Opportet ergo, ut quibus diebus a publicis lectionibus vobis (sc. scholaribus) sunt feriae, privato studio insigniores quasque leges ipsi perspiciatis, et adhibito uno interpreto, puto Bartolo, rem ipsam deliberetis». Pancirolus Lib. 2, c. 4..... «Eo deventum est, ut hodie aliqui vix quinque jura singulo anno interpretentur: scio etiam aliquos, qui circa unius tituli rubricam duos menses

Обыкновенно, при чтеніи лекцій, Профессоры наблюдали слѣдующій порядокъ: во-первыхъ, дѣлали обзоръ юридической статьи, составлявшей предметъ лекціи (*summa tituli*); во-вторыхъ, сличивъ варианты текста (*litera*), прочитывали въ томъ видѣ, какъ полагали его правильнымъ; въ третьихъ, опредѣливъ точный смыслъ (*casus*) заключающихся въ статьѣ законоположеній и согласивъ ихъ съ подобнаго рода законами другихъ статей, если въ нихъ замѣчалось противорѣчіе мнимое или дѣйствительное (*contraria*), выводили общія основныя правила (*generalia, brocarda*), и примѣняли ихъ къ случаямъ юридической практики (*quaestiones*). Если какіе законы или практическіе случаи, по своей важности, многосторонности и другимъ особенностямъ, требовали болѣе обширнаго и подробнаго разысканія и поясненія, тогда онѣ составляли предметъ *repetitiones* или *disputationes* (*).

insumpserunt. Caeterum num ab corruptum docendi morem nec quinque jura plerumque explicantur». — Fr. Frosche *Isagogae in Juris Civ. studium, in variis opusc. ed. Jo. Winckel, Argent, 1554, 8, p. 365.....* «Verum hoc illos interim morar scio, quod ad alienum praescriptum, nempe collegiorum, quae subdegunt, docere coguntur. — Id. quod Alciatus tuus in praefatione quadam palam testatus est. — Et nobis aliquando hac de re expostulantibus coram respondit dulcissimus praeceptor noster Zasius».

(*) Hugolinus. *Materia ad Pandectas secundum Job* (т. е. Joannem. Bassianum), напечат. во всѣхъ изданіяхъ, соч. Azo, подъ заглавіемъ *Summa*: «Modus in legendo, quem observare consuevimus, quod ripartito progressu quasi quibusdam quatuor metis et terminis distinguitur: primo casum simpliciter et nude ponimus: secundo contraria assignamus et solutiones adhibemus: tertio argumenta ad causas de facto annotamus, quae loci generales, vel generalia, vel vulgariter brocarda appellantur: ad ultimum quaestiones movere et discutere consuevimus vel statim in lectione, vel in vespere pro sui difficultate prolixiori disputationi reservare differendo». — Odofredus in *Dig. vetus*: «Nam mihi pro medio est tenendum vos docere fideliter

Схоларіи не всегда вели себя благопристойно въ аудиторіяхъ; одни изъ нихъ не посѣщали вовсе лекцій и списывали ихъ съ профессорскихъ тетрадей, другіе, и посѣщая, не внимали тому, что говорилъ Профессоръ, развлекались ребяческими шалостями, и не рѣдко производили шумъ, особенно, когда кто изъ товарищей, въ недоумѣніи своемъ, обращался къ Профессору съ вопросомъ, — что, хотя и было принято обыкновеніемъ, предпочтительно въ послѣполуденныя лекціи, однакожь не правилось многимъ Профессорамъ, такъ что они часто вынуждены были напоминать своимъ схоларіямъ, чтобы они позаботились имѣть болѣе усердія къ посѣщенію лекцій, внимательности къ слушанію ихъ и вѣжливости къ товарищамъ (*).

et benigne, circa quam doctrinam talis ordo consuevit servari ab antiquis doctoribus et modernis et specialiter a domine meo, quem modum ego servabo. Primo enim vobis dicam summas cujusque tituli antequam accidam ad literam. Secundo ponam bene et distincte et in terminis, ut melius potero casus singularium legum. Tertio legam literam corrigendi causa. Quarto verbis brevibus casum reiterabo. Quinto solvam contraria, generalia (quae vulgariter nuncupantur brocardica) et distinctiones et quaestiones subtiles et utiles cum solutionibus addendo, prout mihi divina Providentia ministrabit. Et si aliqua lex repetitione digna fuerit ratione famae vel difficultatis, eam scrotinae repetitioni reservabo».

(*) Hugolinus l. c.: «In scholis autem debetis magistrum reverenter et tacite audire, socium quaerentem pati cum benignitate, non conclamando ei, sed cum suam expleverit voluntatem alter respondeat, et rationem aut legem inducat». Odofredus l. c. fol. 102: «Item assidui debetis esse in scholis et extra scholas, in scholis audiendo magistrum pacifice et benigne, et socium a magistro quaerentem, et non contra ipsum clamare, sed vel pro magistro respondere, aut pro socio contra magistrum allegare legem aut probabilem rationem». — Idem in Cod. L. 2, C. de judiciis (Sarti P. 1, p. 92): «Licet insolitum sit quaerere a dominis sive doctoribus in mane de eo quod legant in mane, peto veniam et fac mihi gratiam» etc.

4. *Доходы Профессоровъ.*

а) HONORARIA.

Мы сказали выше (Глава I), что мѣстному Правительству ничего не стоило основаніе юридическаго училища въ Болоніи, и что это училище (по крайней мѣрѣ въ первомъ періодѣ) довольствовалось собственными способами существованія, не требуя отъ городской казны никакихъ денежныхъ пособій ни на свое содержаніе, ни на жалованье Профессорамъ.

Способы эти состояли въ разнаго рода денежныхъ сборахъ, кои взымались отъ схоляріевъ и были частію опредѣлены, частію дозволены университетскими статутами. Къ числу первыхъ принадлежали уплаты: за приемъ въ Университетъ (*metricula*), за частное и публичное испытаніе, за производство въ докторскую степень, за дозволеніе читать лекціи и репетиціи; всѣ многочисленные штрафы, коимъ подвергались за малѣйшее отступленіе отъ статутскихъ правилъ равно Докторы и схоляріи, какъ и всѣ лица, состоявшія въ зависимости отъ Университета, и наконецъ всякія добровольныя приношенія въ пользу университетской общины (напр. по случаю въ первый разъ выпавшаго снѣга). Этого рода денежные сборы обращаемы были: на содержаніе и украшеніе университетскихъ зданій, на жалованье университетскимъ Чиновникамъ и служителямъ, а также на вознагражденія за труды Канцлеру и Профессорамъ, участвовавшимъ въ испытаніяхъ и производствѣ.

Дозволенный денежный сборъ взымался былъ отъ схоляріевъ Профессорами, какъ плата за лекціи, и поступалъ прямо въ пользу послѣднихъ. Этотъ сборъ, подъ названіемъ *honoraria, collectae*, производился обыкновенно посредствомъ подписки, которой хлопоты принимали на

себя два сшоларія, удостоенные довѣренности Профессора. Не подписавшійся не былъ допускаемъ въ аудиторію. Но не всѣ подписавшіеся сшоларіи уплачивали деньги исправно, и, въ случаѣ поданной на нихъ Профессорами жалобы въ Университетскій судъ, приводили въ свое оправданіе неформальность подписки (*quod per procuratorem non quaeritur actio domino*). Дѣло однакожь обыкновенно рѣшалось въ пользу Профессора, на основаніи другой статьи законовъ (*si doctor sit praesens, quaeritur ei actio utilis*) (1).

Иногда Профессоры заключали письменный договоръ съ своими сшоларіями на счетъ платы за ученіе; но это случалось болѣе въ первыя времена Болонскаго Университета, когда аудиторіи помѣщались еще въ профессорскихъ квартирахъ. Профессоры получали тогда плату особую за лекціи и особую за аудиторію (*pro bancis et domo*) (1). Но вскорѣ число сшоларіевъ возрасло до того, что профессорскія аудиторіи оказались уже тѣсными, и тогда городъ нашелся въ необходимости отвести на этотъ предметъ общественныя зданія (2), которыя, какъ видно изъ статутовъ, въ XIV столѣтіи были уже совершенно устроены (3).

(1) Odofredus in Dig. nov. L. 79, de verb. obl. «Bene scitis quod cum doctores faciunt collectam, doctor non quaerit a scholaribus, sed eligit duos scholares, ut scrutentur voluntates scholarium: promittunt scholares per illos. Mali scholares nolunt solvere, quia dicunt, quod per procuratorem non quaeritur actio domino. Sed si doctor sit praesens, quaeritur ei utilis actio, ut hic».

(2) Clossius, codicum mss. Dig. vet. descriptio. Vimariae, 1818, 8, p. 16—18.

(3) Odofredus in Dig. vetus L. de fide instrum. (22, 4): «Dixit Albericus antiquus doctor (жившій около 1165—1194 года), et audiui a domino Bagarato, quot habebat tot scholares, quod regebat in palatio communis, scilicet in scholis sancti Ambrosii, quae erant tunc palatium communis».

(4) Stat. Bon. lib. 2, p. 40.

Въ письменныхъ памятникахъ Болонскаго Университета нѣтъ точныхъ свѣдѣній, по которымъ можно было бы заключить о мѣрѣ платы за лекціи или гонорарій; количество ея, по видимому, было произвольное и зависѣло частію отъ требованій Профессора, частію отъ мнѣнія, какимъ онъ пользовался у схоляріевъ по своей учености и таланту преподаванія, частію наконецъ отъ денежныхъ способовъ каждого схолярія.

Не подлежитъ однакожъ сомнѣнію, что *honoraria* были довольно значительны: ибо многіе Профессоры наживали богатое состояніе, и особенно Докторы-Болонцы, присвоившіе себѣ, какъ выше сказано, исключительное право читать ординарныя лекціи. При томъ же случалось нерѣдко, что Профессоры, чтобы заманить на свои лекціи побольше слушателей, не совѣстились прибѣгать и къ менѣе благороднымъ уловкамъ, напр.: ходили по квартирамъ схоляріевъ, уговаривали, умоляли ихъ посѣщать свои лекціи, давали имъ деньги въ займы (*), а иногда старались дѣйствовать на схоляріевъ чрезъ наемныхъ трактир-

(*) Sarti P. I. p. 212. *Alciati parerga* lib. 9, C. 9. *Odofredus* ad L. 1, D. de off. praef. urbis: «Unde colligitur argumentum contra doctores, qui mutuam pecuniam scholaribus ut audiant eos: nam eo ipso sunt suspecti, quod ingerant operas suos». *Idem*. Proem. in *Dig. vetus* (Ms. Paris 1489, f. 102), говоритъ о самомъ себѣ: «Et propter hoc non vado per cameras, nec ire propono, non superbia sed dubitans ruborem si denegarentur petita, et ut suspectus non videar». — *Placentinus Summa Inst.*, tit. de suspectis tutoribus (1, 24): «His non sunt ab similes miserrimi praeceptores, qui pecuniis datis, precibus ablati, scholares emunt». — *Idem Summa Cod.* IX, 8, ad L. *Gul. maj.* p. 426: «Hujus criminis rei vilissimi praeceptores, scholarium redemptores, argui possent». — Нѣкто *Bonifacius Boncopsilius*, чтобы примириться съ совѣстью за грѣшное стяжаніе денегъ отъ схоляріевъ, завѣщалъ 100 ливровъ въ пользу неимущихъ: «Ex questu, quem feci ex scholis, quia multis et variis modis peccatur in scholaribus habendis». — Sarti P. 2, p. 76.— Въ 1292 году doctor *Franciscus Accursii*, сынъ и

щиковъ, факторовъ и другими еще болѣе предосудительными средствами. Подобные поступки, по видимому, были нерѣдки: ибо неоднократно клеймили ихъ позоромъ съ университетскихъ кафедръ другіе Профессоры, исполнявшіе долгъ свой по совѣсти и чести, публично совѣтуя схоларіямъ, при выборѣ Профессора, руководствоваться или собственнымъ убѣжденіемъ, или мнѣніемъ людей знающихъ и добросовѣстныхъ, а не слушаться лицъ подозрительнаго поведенія (1). Университетскіе Статуты не принимали рѣшительныхъ мѣръ противъ всѣхъ этихъ злоупотребленій; они только наказывали десятью ливрами штрафа (*si quis (doctor) audeat regare tacite vel expresse re vel verbo vel quocunque alio verborum calore*) (2).

наслѣдникъ знаменитаго Профессора и Писателя Аккурсія, оставившаго послѣ смерти огромное состояніе въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ, мучимый совѣстью за подобные свои и отцовскіе грѣхи, лично прибѣгнувъ къ Папѣ и вымолилъ у него письменное разрѣшеніе, въ которомъ сказано слѣдующее: «*In nostra sane constitutus praesentia retulisti, quod tu, et quandam Accursius Legum Doctor pater tuus, cujus heres existis, scholaribus vestris, quos auditores pro tempore habuistis, diversas pecuniarum summas mutuo exhibentes, ab ipsis talis pretextu mutui fuistis assecuti majores collectas, etiam a nonnullis ex pacto, quam alias ab eisdem consecuti scholaribus fuissetis, quas collectas majores etiam cum hoc fiebat mutuum, licet nulla super hoc interveniret pactis, consequi sperabitis*». — Sarti, P. 2, p. 96.

- (1) Odofredus in Dig. vetus proemium (Ms. Par. 1489, f. 102): «*Scholaris enim quemlibet debet audire et modum cujus liber inspicere, et qui sibi plus placebit ille debet per eum eligi, et opinione propria non alterius, non pretio..... vel precibus doctoris vel alterius*», и ниже: «*Item non est eligendus doctor precibus laici mercatoris, meretricis, cauponae*». — Hugolinus materia ad Pandectas proem.: «*Eligendus est magister arte et non sorte vel sorde; eligendus enim est aut proprio scholaris judicio, aut judicio prudentium virorum, non judicis cauponis, aut judicio vilissimi mercatoris*».

- (2) Stat. Bon. lib. 2, p. 39.

Однимъ схоларіямъ, получившимъ разрѣшеніе читать лекціи, дозволялось ходить по квартирамъ товарищей и просить ихъ пожаловать на свою вступительную лекцію (1). Впрочемъ, по уставу, одни только Докторы-Профессоры имѣли право требовать *honoraria*; преподаватели же схоларіи могли оныя получать не иначе, какъ по особому разрѣшенію полнаго Университета (2).

б) Жалованье или *Salarium*.

Но *honoraria*, по самому уже свойству сбора, зависѣвшаго отъ многихъ частію произвольныхъ, частію случайныхъ условій, обогащая однихъ Профессоровъ, ловко умѣвшихъ употребить въ дѣло то свою ученую извѣстность, то другаго рода ухищренія, чтобы заставить своихъ схоларіевъ быть исправными и щедрыми плательщиками, не всегда обезпечивали вѣрный доходъ для другихъ, которые, или по излишней скромности, или изъ благородной гордости, чуждались всякихъ продѣлокъ, считая униженіемъ своего достоинства добиваться такимъ путемъ должнаго возмездія за свои труды. Поэтому многіе, особенно иностранные Докторы, получившіе, при своемъ производствѣ въ докторскую степень, кафедру въ Болонскомъ Училищѣ, не смотря на данную присягу городовому начальству — не читать юридическихъ лекцій внѣ Болоніи по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, не охотно покорились вынужденному обязательству и при первой возможности оставляли Болонію. Докторы-Болонцы не могли постоянно занимать всѣхъ кафедръ, установленныхъ Статутами: въ ихъ знаніи нуждалось мѣстное Правительство; оно возлагало на нихъ важныя Государственныя должности, и чрезъ то самое отвлекало

(1) Stat. Bon. l. c.

(2) Ibid. lib. 2, p. 40.

ихъ отъ учебныхъ занятій. Въ слѣдствіе сего случалось иногда, что между Докторами не находилось охотника для занятія вакантной каѳедры, именно по ненадежности сбора гонораріевъ. Для отвращенія столь важнаго неудобства, Университетъ, въ подобныхъ случаяхъ (не раньше однакожь XIII столѣтія), сталъ назначать Докторамъ годовое жалованье въ условленномъ количествѣ, подъ именемъ *salarium*, разложивъ сборъ нужныхъ на этотъ предметъ денегъ на схоларіевъ. Первый, кажется, Одофредъ (ум. 1265) получилъ отъ схоларіевъ 400 ливровъ за чтеніе лекціи по какому-то предмету въ теченіе года (1). Въ 1279 году заключенъ былъ подобный договоръ съ Гвидо де Сузарія, по которому этотъ Докторъ обязался читать *Digestum novum* за 300 ливровъ (2). Но въ слѣдующемъ же году, Университетъ, вѣроятно затрудняясь въ сборѣ денегъ отъ недоброхотныхъ схоларіевъ, упросилъ городовое Правительство уплатить 150 ливровъ Канонисту Гарсіасу (3). Эта временная мѣра положила основаніе учрежденію штатнаго жалованья на счетъ городской казны, сперва для нѣкоторыхъ, а въ послѣдствіи и для всѣхъ каѳедръ. И такъ въ 1289 году учреждены были двѣ штатныя каѳедры: одна—*ordinaria decreti* съ жалованьемъ 150 ливровъ, другая—*extraordinaria infortiati* съ жалованьемъ 100 ливровъ (4); въ 1295 *extraordinaria decreti* съ жалованьемъ 50 ливровъ, въ 1315 *extraordinaria Voluminis* съ жалованьемъ 100 ливровъ (5). Въ 1364 году получали жалованье пять Юристовъ и одинъ Канонистъ (6). Въ 1381 году назначено жалованье 23 Юристамъ, изъ числа коихъ

(1) Документъ находится у Sarti, P. I, p. 149, not. 1.

(2) Sarti, P. I, p. 167. P. II, p. 83.

(3) Ibid. P. I, p. 401. P. II, p. 138.

(4) Ibid. P. I, p. 233, 410, 411.

(5) Ghirardacci, T. I, p. 328, 381. Sarti, P. I, p. 414, 416, 417.

(6) A. Martin. *Thémis* Vol. 9, p. 157, 168.

Iohannes de Lignano получилъ 620 ливровъ, другой 470 лив., многіе по 360, а самое меньшее жалованье составляло 100 лив.; всей же суммы на жалованье Юристамъ отпущено было 5125 лив. (около 6500 руб. сер.), а сверхъ того на жалованье 21 Артисту 2800 (около 3660 р.) (1). Въ 1384 году получали жалованье 19 Юристовъ и 23 Артиста; высшій окладъ жалованья простирался до 495 лив. (около 620 руб.) (2). Наконецъ въ XV столѣтіи и на всѣ остальные кафедры, бывшія еще на прежнемъ основаніи, распространено было штатное жалованье (3).

Послѣ этого прежнія отношенія Университета и Профессоровъ къ городскому Правительству само собою измѣнились. Принявъ на свой счетъ немаловажные расходы на жалованье Профессорамъ, оно не замедлило усилить свое на нихъ вліяніе. Въ прежнее время, кто удостоенъ былъ докторской степени, тотъ пріобрѣталъ вмѣстѣ и право на докторскую кафедру и могъ читать лекціи безъ всякаго вмѣшательства со стороны Правительства, которое, не участвуя въ содержаніи Профессоровъ, не считало профессорской должности Государственною. Еще долгое время и послѣ того, какъ городская казна начала отпускать жалованье, пока оно присвоено было немногимъ только кафедрамъ, выборъ штатныхъ Профессоровъ (*doctores salariati*) вполне зависѣлъ отъ Университета. Городъ отпускалъ въ его распоряженіе количество денегъ, опредѣленное на этотъ предметъ по годовому бюджету, и не хотѣлъ знать больше ни о чемъ (4). Одного онъ только требовалъ, именно — чтобы штатныя кафедры замѣщаемы были преимущественно иностранцами: ибо жалованье обязывало Профес-

(1) Ghirardacci, T. 2, p. 389.

(2) Ibid. p. 398.

(3) Sarti, P. I, p. 411.

(4) Ghirardacci, T. I, p. 422, 433. Sarti, P. I, p. 412.

сора къ постоянному присутствію на лекціяхъ штатнаго учебнаго предмета, а городу не хотѣлось лишаться права употреблять Болонскихъ гражданъ для разныхъ порученій по дѣламъ общественнымъ (1). Университетъ, съ своей стороны, назначалъ Профессоровъ къ штатнымъ кафедрѣмъ не болѣе какъ на одинъ годъ: потому что отпускъ жалованья отъ казны считался долго только временною мѣрою (2). Но, вмѣстѣ съ постепеннымъ увеличеніемъ числа штатныхъ кафедръ, городское Начальство стало прибирать мало-по-малу въ свои руки право опредѣлять на нихъ Профессоровъ, такъ что уже въ 1420 году изъ 21 Юридическихъ Профессоровъ только одинъ былъ назначенъ Университетомъ (3), а въ послѣдствіи и всѣхъ штатныхъ Профессоровъ, коихъ число простиралось до ста человекъ, опредѣляло само городское Начальство (4). Съ тѣхъ поръ профессорская должность получила значеніе Государственной службы, и штатные Профессоры назначались уже не на одинъ годъ, какъ было прежде, когда выборъ ихъ зависѣлъ отъ Университета, а на болѣе продолжительное время (5).

Какъ бы въ возмездіе за потерянное преимущество назначать Профессоровъ на штатныя кафедры, неотъемлемою принадлежностію Университета до новѣйшихъ временъ осталось право выбора Преподавателей на шесть штатныхъ кафедръ съ годовымъ жалованьемъ по 100 ливровъ на каждую, предоставленныхъ исключительно схоларіямъ. Кандидатами на эти кафедры не

(1) Sarti, P. I, p. 416. Ghirardacci, T. 2, p. 17.

(2) См. стр. 112, примѣч. 3.

(3) Ghirardacci, T. 2, p. 637.

(4) Ghirardacci, l. c. Informazione alli forestieri (1791), p. 57: «I Lettori pubblici si eleggono dal Senato, ed i stipendiati, che si chiamano anche ordinarj, sono più di cento, oltre non pochi onorarj senza stipendio».

(5) Sarti, P. I, p. 411. Ghirardacci, l. c.

могли быть ни Докторы, ни Лиценціаты, ни Болонскіе граждане, а только иностранные схоляріи, непремѣнно въ равномъ числѣ *Ultramontani et Citramontani* (1). Условія выбора кандидатовъ изъ схоляріевъ на эти шесть кафедръ измѣнялись въ различное время; наконецъ постановлено было, чтобы Университетъ избиралъ двѣнадцать кандидатовъ, которыхъ участь рѣшалась балотировкою. Первоначально изъ шести Преподавателей схоляріевъ трое назначались для Кановическаго и трое для Гражданскаго Права, а въ послѣдствіи Легистамъ предоставлено четыре кафедры, Декреталистамъ двѣ (2). Схоляріи-Преподаватели обязывались, непремѣнно въ продолженіе года, получить докторскую степень; въ противномъ случаѣ жалованье ихъ обращалось въ пользу членовъ Производственнаго Факультета, въ руки которыхъ оно поэтому и отпускалось (3).

Сумма, ассигнованная на жалованье Болонскихъ Профессоровъ, обезпечивалась разными налогами, сборъ которыхъ въ послѣдствіи былъ отданъ въ собственное заведываніе Университета (4).

Впрочемъ, изъ всего, что мы сказали здѣсь о жалованьяхъ, видно, что учрежденіе его не могло имѣть значительнаго вліянія на благосостояніе Болонскихъ Профессоровъ: ибо, во-первыхъ, долгое время пользовались жалованьемъ только немногія кафедры, во-вторыхъ, оклады его, за исключеніемъ особенныхъ случаевъ, никогда не превышали 350 ливровъ (около 460 руб.); многіе

(1) Stat. Bon. lib. 2, p. 30 — 32. Ibid. lib. 4, p. 73 (Статутъ 1417 г.).

(2) Ibid. addit. p. 100 (1550 г.), p. 106 (1552 г.). Ibid. reform. p. 79—82.

(3) Gaggi fol. E. (3), fol. g.

(4) Ghirardacci, T. 2, p. 7. Gaggi, fol. d—f. Informazione alli forestieri, p. 58.

Профессоры получали по 200 и по 100 ливровъ. Если даже примемъ въ соображеніе тогдашнюю цѣнность благородныхъ металловъ, то и тогда стоимость 350 ливровъ врядъ-ли будетъ превышать 600 руб. сер. Слѣдовательно изъ какихъ же источниковъ могли богатѣть Болонскіе Профессоры?

Источниковъ было много, напр.: члены Производственнаго Факультета пользовались доходами отъ производствъ въ докторское и рыцарское званія; доходы отъ перваго въ XV и XVI столѣтіяхъ сдѣлались весьма значительными; иногда также получались доходы отъ рѣшенія частныхъ тяжбныхъ дѣлъ въ Докторской Коллегіи; тѣ же Докторы-Профессоры, которые отличались блистательнымъ дарованіемъ, нерѣдко приглашаемы были къ занятію важнѣйшихъ постовъ въ присутственныхъ мѣстахъ и въ Государственномъ управленіи какъ въ Болони, такъ и въ другихъ Италіянскихъ городахъ. Но главнѣйшій источникъ профессорскихъ доходовъ, особенно для тѣхъ тружениковъ Профессоровъ, которые никогда не покидали своихъ кафедръ, вѣроятно и теперь, какъ и прежде, составляли *honoraria*, хотя нѣкоторые Юристы и считали несовмѣстнымъ соединеніе ихъ съ жалованьемъ, получаемымъ отъ казны (*). Но Университетскіе Статуты и въ позднѣйшее время никому не запрещали пользоваться гонораріями. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что, по крайней мѣрѣ, достаточные схоларіи охотно платили *honoraria* своимъ Профессорамъ любимцамъ, ежели не въ видѣ должной награды за труды, какъ прежде, то въ видѣ добровольнаго приношенія, какъ признательные слушатели.

(*) *Hostiensis Summa in decretal. tit. de magistris num. 7: «Utrum a scholaribus collectam facere vel levare possit? Distinguunt doctores, et dicunt indistincte quod sic, si non percipiat salarium de publico».*

ГЛАВА V.

*О состояніи книжнаго дѣла въ Средніе вѣка вообще
и особенно въ Болоніи.*

Сколько дозволили находившіеся подъ руками матеріалы, я старался изобразить въ историческомъ очеркѣ внутреннюю и внѣшнюю жизнь Болонскаго Университета въ Средніе вѣка, со всѣми достоинствами и недостатками въ составныхъ его элементахъ, въ административныхъ и хозяйственныхъ учрежденіяхъ и преимущественно въ учебной и ученой дѣятельности и ея направленіи. Для полноты картины остается бросить бѣглый взглядъ на тогдашнее состояніе книжнаго дѣла вообще и особенно въ Болоніи, какъ матеріальнаго орудія, которое умственная дѣятельность употребляла для распространенія Науки въ то время, когда мысль объ искусствѣ книгопечатанія еще никому и въ голову не приходила.

Мы составимъ объ этомъ предметѣ ясное понятіе, когда разрѣшимъ слѣдующія задачи: 1) Въ чемъ состояло книгодѣльческое искусство и кто занимался имъ въ Средніе вѣка? 2) На какой бумагѣ писались книги (писчій матеріалъ)? 3) Какаго рода и кѣмъ производилась книжная торговля? 4) Каковы были книжныя цѣны? и 5) Что можно сказать о библіотекахъ этого времени?

1. Книгодѣльческое искусство.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о книгодѣльческомъ искусствѣ у Римлянъ: этотъ любопытный предметъ, кажется, до сихъ поръ никѣмъ вполне не изслѣдованъ. Однакожь, сообразивъ всѣ отрывочные намеки, какіе встрѣчаются у Римскихъ Писателей, съ тѣмъ, что

сообщаютъ о немъ Средніе вѣка, врядъ ли ошибемся, если станемъ утверждать, что послѣдніе почти ничего новаго не изобрѣли по этой части. Заслуга Среднихъ вѣковъ состоитъ въ томъ, что доставшееся имъ по наслѣдству отъ Римлянъ книгодѣльное искусство не погибло среди общаго разрушенія элементовъ древней образованности; но, сохранившись по преданію въ правительственныхъ и судейскихъ канцеляріяхъ и предпочтительно при монастырскихъ Училищахъ, съ XII столѣтія, вмѣстѣ съ возрожденіемъ умственной дѣятельности въ Болоніи и Парижѣ, оно получило новую жизнь, и въ развитіи своемъ ида объ руку съ главнѣйшими учебными заведеніями, подъ покровительствомъ университетскихъ Статутовъ, достигло замѣчательнаго усовершенствованія.

Достоинство книгодѣльнаго искусства въ Средніе вѣка опредѣлялось: красотой письма или почерка (*scriptura, littera*), качествомъ писчаго матеріала (*pergamentum, charta bombacina*), разрисовкою картинокъ и заглавныхъ листовъ, заглавныхъ и начальныхъ буквъ (*pictura*) и наконецъ богатствомъ переплета (*ligatura*). Красивый почеркъ и писчій матеріалъ составляли необходимую принадлежность каждой книги; рисунокъ и переплетъ зависѣли отъ прихоти того, кто ихъ заказывалъ. Поэтому книгодѣльное искусство доставляло работу разнаго рода ремесленникамъ, составлявшимъ особые цехи (*corporatio*): писцовъ (*scriptores*), рисовщиковъ (*miniatores, иногда pictores*), переплетчиковъ (*ligatores*) и бумажныхъ фабрикантовъ (*fabricatores papiri, pergameni*) (*).

Въ Болоніи, въ Парижѣ и повсюду, гдѣ процвѣтали *studia generalia*, многочисленнѣйшій и самый неутомимый въ работѣ былъ цехъ писцовъ. Но въ Боло-

(*) Stat. Bon. lib. 1, p. 27, 30. Lib. 3, p. 64.

нии, гдѣ находилось до сотни Профессоровъ и многія тысячи схоляріевъ, требованія на книги были такъ велики, что, не смотря на свое усердіе и заманчивость выгодной платы за работу, писцы мужчины не успѣвали удовлетворять заказамъ, и потому къ цеху ихъ принадлежали и женщины, которыя, по свидѣтельству глоссатора Альбериха (1165—1194), учились въ Болоніи не только Грамматикѣ, но и другимъ Наукамъ (1).

Книги списывались по заказу. Тотъ, кто хотѣлъ имѣть новый экземпляръ какой-либо книги, бралъ ее на прокатъ у станціонарія (содержателя книжнаго магазина) и на счетъ переписки ея заключалъ договоръ съ однимъ изъ цеховыхъ писцовъ. Многочисленность писцовъ порождала неизбежное между ими соперничество: поэтому, чтобы лишить ихъ возможности перебивать другъ у друга работу, университетскіе Статуты предписывали схоляріямъ не заключать договора съ такимъ писцомъ, который не окончилъ еще заказанной работы. Для удостовѣренія въ томъ требовалась отъ писца присяга. Преступившій клятву писецъ подвергался исключенію изъ своего общества, равно какъ и схолярій изъ Университета, если бы не прекратилъ своихъ сношеній съ клятвopеступникомъ. Впрочемъ, малые заказы, требовавшіе не болѣе десяти дней работы, могли быть принимаемы и исполняемы прежде раннихъ большихъ заказовъ (2).

Книги писались обыкновенно форматомъ въ листъ и раздѣлялись на тетради (*sabier*), кои, по числу листовъ, въ нихъ заключающихся, назывались *quaternus*, *pecia*. Тетрадь *quaternus* состояла изъ четырехъ одинъ на

(1) Sarti, P. I, p. 186, 187. Albericus in Infort. L. qui filius D.: «Ubi pupillus in f. grammaticam et alias scientias discere non vetantur (mulieres) ut patet in monachabus et in multis mulieribus, quae scribunt Boloniae».

(2) Stat. Bon. lib. 3, p. 53, rubr. de scriptoribus.

другой положенныхъ по поламъ перегнутыхъ цѣльныхъ листовъ, или осьми полулистовъ (1). Ресіа или *petia* состояла изъ двухъ листовъ или четырехъ полулистовъ, слѣдовательно она равнялась половинѣ *quaterni*. Каждая страница пеціи писалась въ два столбца, въ каждомъ столбцѣ вмѣщалось 62 строки, въ каждой строкѣ 32 буквы (2). Раздѣленіе книги на пеціи было самое употребительное и университетскими Статутами одобренное (3).

Современные Писатели различаютъ письмо или почеркъ, по его достоинству, на три рода: древній, обыкновенный и новый (*litera antiqua, communis et nova*). Новый почеркъ считался самымъ красивымъ (4). Иногда различали почеркъ и по мѣсту, гдѣ писаны книги, напр. *litera Bononiensis, Parisina, Beneventana* и проч. (5).

2. ПИСЧИЙ МАТЕРІАЛЪ.

Писчій матеріалъ (какой употребляется нынѣ не только въ Европѣ и Америкѣ, но и повсюду, куда только проникло Европейское просвѣщеніе и торговая промышленность), производимый изъ тряпьевъ льняной одежды и

(1) *Dictionarium Hugoccio v. quaternus*: «*Quaternus quatuor quartae (leg. chartae) sed octo folia sunt*».

(2) *Statuta Artistarum Patavin. Lib. 3, Tit. 27*, изд. 1648 г.: «*De taxatione petiarum. Secundum taxationem studii Bononiensis firmamus quod petia constituatur ex sexdecim columnis quarum quaelibet contineat sexaginta duas lineas et quaelibet linea litteras XXXII contineat*».

(3) *Stat. Bon. lib. 1, p. 27*.

(4) *Odofredus in Dig. vetus L. 8, de rei vind (6, 1)*: «*Quando emit librum, debet facere scribi in instrumento, quod emit unum digestum de litera nova, vel antiqua, vel communi nec multum antiqua vel nova, scriptum in cartis edinis cum apparatu vel sine, cujus primus quaternus ita incipit, et finitur in tali conditione*».

(5) *Marini papyri, p. 226. Sarti, P. I, p. 187...* *Tiraboschi, T. 4, lib. 1, C. 4, § 3, litera Anglicana, Lombardes, Aretina*.

неправильно называемый у нас бумагою, у другихъ Европейскихъ народовъ папиромъ, хотя и есть собственно Европейское изобрѣтеніе, принадлежащее Среднимъ вѣкамъ (1), но, по неимѣнію ли въ немъ въ то время настоящей надобности или по дурному устройству льняно-бумажныхъ фабрикъ, производство и употребленіе его долгое время было ничтожно. Только съ XVI столѣтія, когда искусство книгопечатанія достигло замѣчательнаго развитія, фабрики льняной бумаги быстро стали умножаться и совершенствоваться, особенно во Франціи и Голландіи. Славныя въ древности Египетскія бумажныя фабрики, производившія прекрасную писчую бумагу изъ болотнаго растенія папиръ или папирусъ (*cyperus*, *papyrus*. Lin.), свойственнаго предпочтительно Египетской почвѣ, много пострадали еще во время религіозныхъ распрей въ первые вѣка Христіанства; но послѣ завоеванія Египта Аравитянами до того упали, что въ Европѣ, которой прямыя сношенія съ Египтомъ прекратились на многія столѣтія, папирусовая бумага сдѣлалась чрезвычайно рѣдкостію. На ней, большею частію, писались Папскія буллы, изъ коихъ однакожь послѣднія, писанныя на этой бумагѣ, не простираются дальше XI столѣтія (2). Осталось только слово *papyrus*, означавшее въ послѣдствіи какъ писчій матеріалъ вообще, такъ и въ особенности хлопчато-бумажную писчую бумагу: *bombacem*, *chartam bombacinam* (3).

(1) Петръ Маврикій, умершій въ 1153 году, въ разсужденіи о Жидахъ, говоритъ: «Книги, которыя мы ежедневно читаемъ, состоятъ или изъ бараньей, козьей и телячьей кожи, или изъ Восточныхъ растеній (хлопчатой бумаги), или изъ лоскутковъ старой одежды (*ex rasuris veterum pannorum*). Энциклопедическій Лексиконъ, сл. Бумага. Ст. О. И. Сенковского.

(2) Wers, стр. 71, 72. Marini *papyri praef.* p. XII.

(3) Accursius in L. 52, de leg. 3, verb. *charta*: «De bombice (*leg. bombace*)»: verb. *membranae* non continebuntur: «quia appellatione chartarum continentur, quae de bombice sunt».

Но употребительнѣйшихъ родовъ писчаго матеріала въ Средніе вѣка было только два: собственно бумага (*papier de coton*, *Baumwollepapier*; *bombax*, *charta bombacina*, *xylina gassipina*, *cuttunea damascena*, etc.) и пергаментъ (*pergamenum*, *membrana vitulina*). Съ бумагою познакомили Латинскую Европу Среднихъ вѣковъ Аравитяне, которые выдѣлывали ее изъ кустарника, доставляющаго хлопчатую бумагу, и изъ лоскутьевъ бумажныхъ тканей, заимствовавъ это искусство, — первоначальное изобрѣтеніе Китайско-Туркестанское, — отъ Бухарцевъ и Хивинцевъ, жителей Маревангра (древняго Трансоксиана), покоренныхъ ими въ началѣ VIII столѣтія. Россія, получавшая этотъ писчій матеріалъ въ Средніе вѣка прямо отъ Хоряскихъ или Хорезмскихъ купцевъ, т. е. отъ Бухарцевъ, усвоила себѣ и Туркестанское его названіе: *пумухъ*, *пумбуиъ* или *бумуиъ*, вмѣстѣ съ Бухарскимъ (Персидскимъ) терминомъ *дестъ*, рука, означающимъ 24 листа бумаги, отъ чего произошло и Французское *une main de papier*, 25 листовъ. Древніе считали бумагу на книжки (*liber*) или на фунты (*libra*) (1). Латинскіе Писатели Среднихъ вѣковъ рѣдко упоминаютъ о фабрикахъ этого рода писчей бумаги, а это самое доказываетъ, что онѣ не были многочисленны въ Латинской Европѣ, вѣроятно по недостатку хлопчатой бумаги, — произведенія земли далекой, съ которою торговля сообщенія были въ то время весьма затруднительны. Но такъ какъ Латинская письменность Среднихъ вѣковъ не имѣла недостатка въ писчей бумагѣ этого рода, что доказываютъ свидѣтельства современныхъ Писателей и не малое число книгъ и документовъ, писанныхъ на ней и сохранившихся до нашихъ временъ (2), равно какъ и то, что на этой же

(1) О. И. Сенковский, I. с.

(2) *Odofredus in Dig. vetus. L. 13, § 3, de hered. pet. (5, 3):*
«*Debetis scire, quod libri mei pro parte fuerunt scripti in car-*

бумагъ были произведены первые опыты книгопечатанія (первыя Альдинскія изданія въ Венеціи) (1): посему должно полагать, что Латинская Европа, по крайней мѣрѣ до XV столѣтія, больше получала ея готовой, выдѣланной отъ Испанскихъ Аравитянъ, нежели сколько могла производить на своихъ худоустроенныхъ фабрикахъ.

Но употребительнѣйшій и самый уважаемый изъ писчихъ матеріаловъ, по своей прочности и совершенству выдѣлки, былъ пергаминъ, — издѣліе, производившееся изъ бараньей, козьей и преимущественно телячьей кожи (*membrana vitulina, pergamenum*). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ признанъ былъ единственнымъ матеріаломъ для писанія государственныхъ и судебныхъ актовъ (2). Но вообще его употребляли предпочтительно для книгъ. Экземпляры книгъ Римскаго Законодательства, оставшіеся отъ Среднихъ вѣковъ, почти всѣ писаны на пергаминѣ.

Въ Болоніи и ея владѣніяхъ множество фабрикъ занималось выдѣлкою пергамина, и фабриканты обязывались представить обезпеченіе въ томъ, что они не менѣе $\frac{2}{3}$ всего фабричнаго издѣлія будутъ заготовлять въ обыкновенномъ книжномъ форматѣ (3).

3. Книжная торговля.

Въ городахъ, гдѣ кипѣла умственная дѣятельность, требованія на книги были весьма значительны и достав-

tis papiri (sc. bambacis), pro parte in membranis edinis vitulis».

(1) О. И. Сенковский, I. с.

(2) *Constit. Siculae Lib. 1, tit. 78, Фридриха II (Conciani I, 329):* «Volumus.... ut praedicta.... instrumenta.... nonnisi in pergamenis imposterum conscribantur..... ex instrumentis in chartis papyri..... scriptis..... nulla omnino probatio assumatur».

(3) *Stat. Bon. lib. 3, p. 62, rubr. de cautione exigenda etc.*

ляли безконечную работу для писцовъ. Но книжная торговля въ томъ видѣ, какъ она производится нынѣ, въ видѣ обыкновенныхъ коммерческихъ спекуляцій, въ Средніе вѣки была неизвѣстна. Напротивъ того покупать книги съ тѣмъ, чтобы потомъ продавать ихъ съ барышомъ, строго запрещалось Статутами Университетовъ (1), коихъ правиламъ подчинялось все книжное дѣло. Словомъ, можно сказать рѣшительно, что книжная торговля вовсе не существовала. Находились только при Университетахъ книжные магазины, коихъ содержатели составляли особое сословіе, подъ именемъ Stationarii, и подчинялись въ своихъ дѣйствіяхъ университетскимъ Статутамъ. Но эти книжные магазины не походили даже на наши библіотеки для чтенія (Cabinet de lecture), ибо они не назначались для любителей полезнаго и пріятнаго чтенія. Въ Болоніи, какъ и вездѣ, единственное, Статутами опредѣленное ихъ назначеніе состояло въ доставленіи желающимъ книгъ для переписки за опредѣленную плату подъ залогъ (2).

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ обязанности Стационарія, очень подробно описанныя въ Статутахъ Болонскаго Университета: 1) Имѣть въ своемъ магазинѣ достаточное число книгъ, и по крайней мѣрѣ 117, поименованныхъ въ каталогѣ, внесенномъ въ Статуты. 2) За поддержаніе книги не брать платы свыше опредѣленной Статутами, т. е. по 4 денара отъ каждой пеціи внутри города и по 6 денаровъ внѣ его, но въ Болонской области (3). 3) Не имѣть стачки съ Профессорами для

(1) Stat. Bon. lib. 1, p. 35: «Non emat insuper stationarius per se, vel per alium cum mercimoniis ut in illo lucretur.... Nec scienter vendat librum ei quem scit vel credat verisimiliter ob mercimonium emere, poena decem lib. Bonon ... infligenda scholaribus etiam eadem sit prohibitio ne mercimonii causa libros emant sub poenis eisdem», etc.

(2) Stat. Bon. lib., p. 27.

(3) Stat. Bon. lib. p. 27. Sarti, P. 2, p. 214—218.

замѣны старыхъ глоссъ новыми (1). 4) Книги, находящіяся въ магазинѣ, должны быть полны, исправно и хорошо написаны и одобрены Корректурнымъ Комитетомъ (2). 5) Городскими постановленіями строжайше запрещено, подѣ взысканіемъ 100 ливровъ штрафа съ виновнаго, одолжать изъ магазина для переписки или продавать книги въ другое училище и вообще за границу (3), и наконецъ 6) Стационаріи, при открытіи книжнаго магазина, обязывались дать присягу и представить залогъ въ обезпеченіе исправнаго и честнаго исполненія принимаемыхъ на себя обязанностей (4).

За исправностію корректуры книгъ, находившихся въ магазинахъ Стационаріевъ, наблюдалъ особый Комитетъ. Онъ состоялъ изъ шести членовъ, подѣ названіемъ *Pesciarii*, назначаемыхъ Сенатомъ Университета изъ схоляріевъ. *Pesciarii*, при вступленіи въ должность, приносили присягу въ безпристрастномъ исполненіи своей обязанности: *remoto omni odio, amore, timore, precio, precibus et qualibet alia corruptela*. За упущеніе по должности или за малѣйшую взятку они наказывались всякій разъ 15 ливрами штрафа. Стационаріи же за неисправ-

(1) Sarti, P. 2, p. 224, rubr. 11. «.... Item quod stationarii non faciant pactum cum aliquo Doctore legum pro supprimendo aliquo apparatu, et alium de novo apparatus alicujus Doctoris exaltando, et post novum apparatus factum teneantur nihilominus tenere, et tradere petentibus antiquum, si voluerint exercere artem ».

(2) Stat. Bon. lib. p. 18, 26.

(3) Ibid. lib. 4, p. 68: « Ordinamus pro utilitate scholarium et studii, quod Stationarii exempla librorum et apparatus tenentes, non praesumant vendere vel alio modo alienare, ut portentur ad studium alterius civitatis vel terrae vel aliquid fraudulententer facere, in laesionem civitatis seu studii Bon. poena et banno centum lib. Bon. cuilibet contrafacienti et pro qualibet vice ».

(4) Ibid. lib. 1, p. 26.

ность, замѣченную въ его книгахъ, штрафовался шестью ливрами; половина этого штрафа поступала въ пользу членовъ Корректурнаго Комитета (1).

Дозволялась однакожь Стаціонаріямъ продажа старыхъ книгъ по комиссіи отъ частныхъ лицъ: но въ такомъ случаѣ они могли продавать эти книги не иначе, какъ по цѣнамъ, назначеннымъ ихъ вѣрителями, и довольствовались въ видѣ возмездія за свой трудъ $\frac{1}{40}$ и $\frac{1}{60}$ частью вырученныхъ отъ продажи денегъ (2). Въ Парижѣ съ 1323 года содержаніе книжныхъ магазиновъ для переписки книгъ отдѣлено было отъ продажи ихъ по комиссіи: первое осталось принадлежностію Стаціонаріевъ; Коммиссары получили названіе *Libragii* и менѣе ограничивались въ своихъ дѣйствіяхъ, нежели Коммиссары Болонскіе (3).

4. Цѣны книгамъ.

Не лѣзя не пожалѣть, что ни университетскіе Статуты, ни Писатели Среднихъ вѣковъ не сообщаютъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о современныхъ имъ цѣнахъ книгамъ. Зная, что платилось Стаціонарію за поддержаніе книги, если бы знать притомъ, что стоилъ листъ пергамина и что платилось отъ пеціи за переписку, ничего не было бы легче, какъ опредѣлить дѣйствительную цѣну каждой книги, списанной безъ прихотливыхъ украшеній рисовальнаго и переплетнаго искусствъ (4). Одно только

(1) Stat. Bon. lib. 1, p. 18.

(2) Ibid. lib. 1, p. 26.

(3) Bulaeus IV, 202. Crevier II, 281.

(4) Страсть украшать книги прихотливою разрисовкою и роскошнымъ переплетомъ уже въ XII и XIII столѣтіяхъ въ Парижѣ и Болоніи была предметомъ порицаній. — Daniel Merlacus (Англичанинъ) in Wood historia universitatis Oxoniensis, Oxon. 1674, f. p. 57 (ad a. 1189): «Cum dudum ab Anglia me causa

обстоятельство можетъ нѣсколько навести насъ на путь: въ Статутахъ Болонскаго Университета есть статья, въ которой сказано, что схоларій, въ случаѣ потери одной или болѣе тетрадей изъ книги, взятой въ магазинъ для переписки, обязывался уплатить Стаціонарію за каждую потерянную пецію по 10 солидовъ, т. е. полливра (*), что, по переводу на наши деньги, составитъ около 65 к. серебромъ. Должно полагать, что въ расчетъ этой платы входило все, что стоила пеція самому Стаціонарію, считая пергаминъ и переписку; прибавивъ къ этому четыре денара (около 2 коп. сереб.) за подержаніе книги, цѣна пецій выйдетъ 67 коп. сереб. Такимъ образомъ полный сводъ Римскихъ Законовъ (*Corpus juris Justinianei*), заключавшій въ себѣ 266 пецій, обходился не менѣе 177 руб. сереб. Но мы забыли еще одно обстоятельство, именно тогдашнюю цѣнность благородныхъ металловъ, которая, если не больше, то по крайней мѣрѣ $\frac{1}{3}$ сравнительно была выше нынѣшней ихъ цѣнности. И слѣдовательно дѣйствительная цѣна *Corpus juris* на наши деньги составитъ около 236 руб. сереб., а маленькая

studii cepissem, et Parisiis aliquamdiu moram fecissem, videbam quosdam bestiales in scholis gravi auctoritate sedes occupare, habentes coram se scamna duo vel tria, et descriptos codices importabiles aureis literis Ulpiani traditiones repraesentantes, nec non et tenentes stylos plumbeos in manibus, quibus asteriscos et obelos in libris suis quadam reverentia depingebant», etc. — Odofredus in Dig. vetus L. 23, de rei vend. (6. 1): «Olim tempore harum legum homines nesciebant scribere, unde scriptura cedebat cartis.... sed olim optimi fuerunt pictores... unde olim tabula cedebat picturae. — Sed quid dicemus hodie? Scriptores nostri temporis effecti sunt pictores, pictores nostri temporis facti sunt scriptores».... Cp. Sarti P. 1, p. 183. Not. 6, f.

(*) Stat. Bon. lib. 1, p. 27..... «Et quia interdum contingit peciam scolari traditam perdi vel scriptori, ordinamus quod pro ipsa amissa solidos X Bon. persolvant etc.»

книжечка *Institutiones*, состоявшая изъ 14 пецій, должна была обойтись слишкомъ въ 12 руб. серебромъ. Цѣны сія чрезвычайно высоки и, вѣроятно, не многимъ были доступны; тѣмъ болѣе достойны удивленія тѣ безконечныя требованія на книги, которыя доставляли постоянную работу столь многочисленному и трудолюбивому цеху писцовъ: это можно объяснить только тѣмъ, что мы неоднократно говорили объ умственномъ стремленіи вѣка, о многочисленности схоляріевъ, стекавшихся въ Университеты изъ всѣхъ концовъ Европы, готовыхъ посвятить здоровье, жизнь, имѣніе неутомимой жадѣ познаній. Высокія цѣны книгъ ни сколько не останавливали иностранныхъ схоляріевъ; они, во что бы то ни стало, старались пріобрѣсти списки лучшихъ твореній и, по окончаніи университетскаго ученія, увозили ихъ съ собою на родину. Этотъ *вывозъ книгъ* схоляріями-чужеземцами сдѣлался до того ощутителенъ въ Болоніи, что мѣстное Правительство рѣшилось ограничить его. Въ 1334 году вышло постановленіе, запрещавшее схоляріямъ вывозить книги изъ Болоніи безъ письменнаго на то дозволенія городского Начальства (*).

5. Библіотеки.

Несмѣтныя сокровища умственной дѣятельности древняго міра, вмѣстѣ съ другими памятниками его высокой образованности, пали жертвою невѣжества и фанатизма свирѣпыхъ завоевателей колоссальной Имперіи. Не многое, что уцѣлѣло, сдѣлалось достояніемъ Аравитянъ, долгое время славившихся достойными преемниками Римскаго могущества и просвѣщенія. Одна Византійская Имперія, этотъ обломокъ вѣковаго дуба-всполина,

(*) Ghirardacci P. 2, p. 117 cp. Stat. Bon. lib. 1 rubr. de officio notarii.

хотя и уступала одно за другимъ свои владѣнія Восточнымъ и Сѣвернымъ завоевателямъ, но являетъ себя представительницею величія и образованности древней своей метрополіа: она берегла еще въ своихъ книгохранилищахъ многія тысячи волюмовъ, заключавшихъ въ себѣ творенія древней мудрости. Мы не станемъ однакожь входить въ подробности касательно Аравійскихъ и Византійскихъ книгохранилищъ и ограничимся бѣглымъ взглядомъ на библіотеки современной имъ Римскокатолической Европы. Состояніе этихъ библіотекъ въ Средніе вѣка не можетъ порадовать самага взыскательнаго библіофила. Правда, на лицѣ его пробѣжитъ улыбка удовольствія, когда, заглянувъ въ какой-либо монастырь Бенедиктинцевъ, увидитъ онъ, какъ одни монахи прилежно списываютъ истлѣвшіе свитки (volumen) твореній Цицерона, Виргилія, Горація, Ливія, Тацита, Св. Отцевъ, Св. Писаніе и проч.; но тотчасъ же чело его покроется облакомъ печали, когда замѣтитъ, какъ другіе монахи еще усерднѣе соскабливаютъ съ пергамина драгоцѣнное твореніе древности, чтобы помѣстить на немъ какую-нибудь современную легенду или хронику, и когда убѣдится, что все книжное богатство монастыря состоитъ въ какомъ-нибудь десяткѣ рукописей. И въ самомъ дѣлѣ, до XV столѣтія библіотеки Среднихъ вѣковъ почти не заслуживаютъ вниманія. Ни при одномъ изъ процвѣтавшихъ тогда Университетовъ другихъ публичныхъ книгохранилищъ не было (*), кромѣ магазиновъ Стаціонаріевъ, которымъ (хотя они и состояли подъ покровительствомъ Университетовъ) не шло названіе библіотеки: потому что книги этихъ магазиновъ назначались вовсе не для чтенія, а только для переписки. Маленькія собранія книгъ, какія встрѣчались у частныхъ лицъ и

(*) Tiraboschi T. 4, lib. 1, 4. — T. 5, lib. 1. C. 4.

служили для собственнаго ихъ обихода, равномерно не могутъ быть названы библіотеками въ настоящемъ значеніи этого слова. Что за библіотеки, въ которыхъ хранилось 5, 10 и никакъ не болѣе 20 томовъ, вмѣстѣ съ дубликатами? Ни въ одной изъ библіотекъ, принадлежавшихъ Профессорамъ-Юристамъ, не имѣлось даже полнаго *Corpus juris Justinianei* (*).

Это необычайное явленіе въ такое время, когда умственная дѣятельность старалась захватить въ свое вѣдѣніе все, что только было достойно знанія, — еще не вполне объясняется недоступностію книжныхъ цѣнъ, хотя и очевидно, что онѣ имѣли ощутительное на него вліяніе. Не менѣе основная причина этого явленія скрывалась въ духѣ современной учености.

Ученость Среднихъ вѣковъ не была ученость универсальная, всеобъемлющая, ищущая подкрѣпленій для своей любимой Науки во всѣхъ областяхъ знанія. Это была ученость строго-спеціальная, которая, посвятивъ себя одной, случайно или по призванію избранной Наукѣ, старалась изучать ее въ собственныхъ ея источникахъ, и не подозревая, чтобы могли ей быть полезны другія области знанія, въ которыя если она и заглядывала иногда, то заглядывала только изъ любопытства, безъ всякой обдуманной цѣли. Поэтому она и не чувствовала надобности собирать вокругъ себя множество ученыхъ пособій, — даже изъ числа тѣхъ, кои прямо относились къ воздѣлываемой ею Наукѣ: она выбирала изъ нихъ только лучшія, именно тѣ, кои пользовались славою непреложнаго авторитета. Само собою разумѣется, что такого рода ученыхъ пособій было очень не много. Это-то немногое ученость Среднихъ вѣковъ безирерывно читала, перечитывала, обдумывала, и на основаніяхъ, изъ матеріаловъ, оттуда заим-

(*) Savigny *Gesch des R. R. im Mitt.* 3, 73, 5, 221.

ствованныхъ, создала зданіе собственнаго художества, иногда довольно прочное и стройное, но чаще хилое, уродливое.

Слѣдовательно, при такомъ, такъ сказать, изолированномъ направленіи, какое до XIV столѣтія вообще и до XV съ весьма немногими исключеніями господствовало въ учености Среднихъ вѣковъ, — нужно-ли ей было разоряться на пріобрѣтеніе книгъ по цѣнамъ, кои несомнѣнно были ощутительны и самымъ богатымъ любителямъ и поборникамъ современнаго просвѣщенія, — для того только, чтобъ изъ книгъ составить бесполезную коллекцію подъ именемъ библіотеки.

Въ XIV, а еще явственнѣе съ XV столѣтія, начало мало-по-малу развиваться убѣжденіе о существующей родственной связи между всѣми знаніями ума человѣческаго и вмѣстѣ съ тѣмъ о великой пользѣ совокупнаго ихъ изученія. Тогда только ученость, освободясь мало-по-малу изъ оковъ своей прежней односторонности и расширивъ кругъ своего дѣйствія, восчувствовала потребность болѣе разнороднаго и обширнаго чтенія, и тогда только, для этой цѣли, она съ жаромъ принялась собирать книги и составлять библіотеки. И вотъ въ первой четверти XV столѣтія, въ самой Болоніи, является уже библіотека, заключающая въ себѣ болѣе 600 томовъ, — въ пять разъ болѣе, сколько Стационаріи обязаны были, по положенію, имѣть въ своихъ магазинахъ. Библіотека эта принадлежала нѣкому Боловскому Ученому, именемъ Iohannes de Imola, и сгорѣла въ 1422 году, вмѣстѣ съ домомъ этого библіофила (*). Должно полагать, что это были не однѣ юридическія книги, но что многія изъ нихъ принадлежали къ другимъ областямъ знанія.

(*) Ghirardacci P. 2, p. 641.

Библиофилы, въ родѣ какъ Iohannes de Imola не составляли уже рѣдкости въ дальнѣйшее теченіе XV столѣтія. Страсть къ собиранію книгъ отъ частныхъ лицъ переходила къ владѣтельнымъ особамъ. Папа Николай V, Людовикъ XI, Король Французскій, Венеціанскій Дожъ Мочениго, Герцоги: Миланскій, Флорентинскій, усердно заботятся о пріобрѣтеніи книгъ повсюду, гдѣ только представляется къ тому возможность, заводятъ Государственныя публичныя библіотеки. Онѣ возникаютъ и при Университетахъ: въ Парижѣ, Болоніи, Падуѣ, Оксфордѣ, отдѣльно уже отъ книжныхъ магазиновъ Стационаріевъ: и все это тогда, когда искусство книгопечатанія или еще не было изобрѣтено или, въ своемъ зародышѣ, не могло еще подать существенной помощи прежнему книгодѣлію, и слѣдовательно когда ничто еще не содѣйствовало къ уменьшенію цѣнъ на книги. Чему же приписать это общее стремленіе къ заведенію библіотекъ въ XV столѣтіи. Неужели это была одна безсознательная страсть, свойственная библиофиламъ или библиомамамъ. Нѣтъ. Причина этого явленія заключалась въ измѣнившемся направленіи ученой дѣятельности: долгое время бывшая спеціальною, одностороннею, изолированною, она вызвана къ новой жизни гениемъ Данта, Петрарки, Баккачіо, и рѣшилась наконецъ перешагнуть тѣсныя предѣлы прежняго, такъ-сказать, отшельничества и заглянуть въ другія области знанія. Желаніе познакомиться съ ними породило потребность разнообразнаго, многосторонняго чтенія, а чтобъ удовлетворить этой потребности вѣка, проявилась страсть къ собиранію книгъ у частныхъ лицъ, и еще болѣе въ университетскихъ общинахъ и у владѣтельныхъ Государей. Явились библіотеки, которыя однакожь, при прежнемъ состояніи книгодѣлія, никогда не могли бы достигнуть значительнаго количества книгъ, если бы не подоспѣло на помощь искусство книгопечатанія, которое, годъ отъ

году улучшая свои рабочіе снаряды, — станки, шрифты, бумагу и проч., въ XVI столѣтіи могло уже дѣйствовать на пользу Европейскаго просвѣщенія съ блистательнымъ успѣхомъ (*).

В. ИГНАТОВИЧЪ.

(*) Въ Гродненской гимназической библіотекѣ есть двѣ библіографическія рѣдкости, замѣчательныя тѣмъ, что показываютъ постепенное и довольно быстрое улучшеніе типографскаго искусства: 1) небольшое сочиненіе Аристотеля, подъ заглавіемъ: «*Parva naturalia, de generat. et corrupt*», и трактатъ Св. Тома de ente et essentia, напечатанныя вмѣстѣ, въ 1487 г. 2) Сочиненія Платона, изд. въ Венеціи 1517 г. а Philippo Pincio Mantuano. Въ первомъ изданіи шрифты довольно неуклюжи, похожи на такъ-называемые Готическіе, оттиски неровные, нечеткіе, не чистые; во второмъ напротивъ шрифтъ довольно красивый, Французскій; оттискъ ровный, ясный, четкій.